

Дм. Матвеев

ПЕСОК

СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ

18+

Дмитрий Матвеев

Песок сквозь пальцы

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Матвеев Д.

Песок сквозь пальцы / Д. Матвеев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Он искал Бога или, может быть, себя, а нашёл что-то другое. Она не искала ничего, но встретила его. Путешествуя через весь Израиль, с его пустынями, оазисами, кратерами, городами и морями, они будто пытаются убежать от реальности. А потом реальность Страстной неделей входит в их жизни...Сибирь, Украина и Израиль в «road movie» и эпистолярном жанре.

Содержание

ПРОЛОГ	6
Израиль, три года спустя	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Механик и Богомила	8
День первый: Аэропорт Бен-Гурион – Яффа, пляж на берегу Средиземного моря, дистанция 28 км	8
День второй: Яффа – Рамла – Модиин-Маккабим-Реут – парк Аялон-Канада, дистанция 54 км	12
День третий: парк Аялон-Канада – мошав Месилат-Цион – Эйн Керем – Иерусалим, дистанция 49 км	16
День четвертый: Иерусалим, день отдыха.	23
День пятый: Иерусалим – Вифлеем – монастырь Мар Саба – Иудейская пустыня – Мертвое море, дистанция 67 км	29
День шестой: заброшенная ферма на Мертвом море – оазис Эйн-Геди – крепость Масада – пляж города Эйн-Бокек, дистанция 54 км	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

*Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями,
Как больно, милая, как странно
Раздваиваться под пилой...*

А.С. Кочетков, «Баллада о прокуреном вагоне»

ПРОЛОГ

Израиль, три года спустя

Он стоял на краю обрыва, красного, как кровь, и курил. Жара пекла невероятно, тень не спасала, и он ждал ветерка, чтобы тот остудил его красное, под стать скалам, лицо. Ветерка все не было, было ленивое шевеление воздуха, как бы предчувствие ветра, и он ждал. Он привык ждать ветра, еще с тех пор, как начал летать на парашюте. Тогда, на крутых склонах сопков, он мог сидеть по часу, по два, ожидая подходящего ветра – ровного и сильного, в лицо.

Тимна горела красным, и горные хребты на близком горизонте подрагивали в мареве. Он провел рукой по камню – оплавленные, словно парафиновые свечи, каменные стены каньона были слегка шероховаты. «Как ее губы» – подумал он. Он помнил ее губы так же явственно, как будто трогал их только что. Обветренные, местами треснувшие, с несколькими отслоившимися чешуйками кожи. Тут, на этом месте, они стояли тогда, в тот день. Они были вдвоем, они были свободны, они были рядом. Одни. Не в счет ползущий мимо автомобиль и велосипедист, крутящий педали вдали. Не в счет автобус с туристами, прошедший дальше по дороге, с которой они свернули сюда, к этой, поразившей их горе, иссеченной каньонами, как входами, как огромными замочными скважинами, уходящими вглубь горы.

«Do not stop for the night! – сказала им тогда строгая тетка на кассе, пропуская их на велосипедах, с которых они радостно сбросили багаж. И повторила, заглянув поверх очков – No sleepen!» Они тогда переглянулись и засмеялись. «Ну, ну! – сказала Богомила. – Что мы, дураки, тут спать, на вашей жаре?» Тетка недоуменно вздернул брови, ничего не поняв, но Богомилино «ну» ее, похоже, слегка успокоило. Они катили тогда по жаре, похожей на эту, катили изо всех сил, создавая встречный ветер, и первая же гора с тенистыми каньонами соблазнила их. И взяла в плен.

Он качнулся на краю, из-под ног посыпались камушки. Вон там, внизу, у дороги стоит его машина, взятая напрокат в Эйлате. «Пять долларов прокат, двадцать – страховка. Израильский подход к маркетингу» – вспомнил он Игоря, тогда, три года назад, подкатившего на такой же тачке к их, обедающей у входа в парк, группе. Игорь путешествовал с семьей, сзади, с трехлетней дочкой на руках сидела его бледная и на вид очень уставшая жена, и было навалено множество сумок и пакетов. «А вы, что, вот так – на великах? С Тель-Авива?» Игорь был рад общению со «своими», даже не задумавшись ни на миг, что большинство «своих» – это украинцы, а из России только он один, только Саша. Он тогда еще подумал о том, что всей этой информационной войне между их странами грош цена, когда люди сталкиваются вот так, в чужой стране, говорят на одном языке и видят друг друга не глазами политиков, а по-простому, по-человечески.

Да, они на великах пилят по этой пустынной стране, да, с Тель-Авива, и уже заканчивают маршрут. Каких-нибудь тридцать километров еще – и они у конечной своей цели, в Эйлате, купаются в Красном море. «О, а мы едем из Эйлата, на Мертвое море сейчас хотим. А вы где в Эйлате останавливаетесь? Мы жили в хостеле неплохом, двадцать пять баксов с человека, а уровень прям совсем домашний, могу телефончик подсказать...» Игорь явно хотел помочь «своим» и совсем не понимал, что у Алексея планы спартанско-минималистские, пляжно-палаточные. Но он уже диктовал, а Алексей покорно записывал, и они с Богомилой, переглянувшись, тоже забили номерок в свои телефоны ...

Дунул ветер, пахнуло нагретым камнем и раскаленной сковородкой, и он замер, закрыв глаза. «Еще, пожалуйста...» Как же они тут живут, в этой стране, если весной тут такая жара? Как же здесь жить летом, когда за сорок держится?

Зашуршали, застукали камни внизу, под обрывом, он разлепил веки и выглянул из тени. «Кто там?» Да никого. Пусто там. Просто осыпь. Пусто. И рядом, в расщелине, – пусто.

... Вот тут она сидела, скрестив ноги в полу-лотосе, и улыбалась, когда он ее фотографировал. Она всегда улыбалась на камеру, редко когда он успевал подловить ее задумчиво-серьезное или дремлющее лицо. «Хочешь засветить пленку улыбкой?» – «Дурачок, какую пленку? Нету там ничего. Только цифры. Цифры не засветишь», – смеялась она.

Зачем он здесь? Прилетел на два дня раньше, ночь подремал в автобусе до Эйлата, взял там машину, и поехал обратно. А сюда зачем свернул? Встретиться с призраками?

Он усиленно потер лицо ладонью и начал спускаться, упираясь в разлом руками и ногами. Призраки шли следом, он впереди, подавая ей руку, она – следом. «Сашик, я не скалолаз нисколько, я вообще в таких местах впервые, що ти таке робиш зі мною?» Она так забавно переходила на украинский, что он не мог не улыбаться в ответ, но сердце его замирало не от украинских слов, а от той интонации, с которой она все это произносила, мягкой и сильной одновременно, как она сама. «Да ну, що ви таке кажете, Богомила Олегівна, ви – природжена скалолазка!»

Он спустился по разлому вниз, присел на камень в последнем кусочке тени. Тогда, три года назад, где-то здесь лежали велосипеды, ожидая их. Он набрал в ладонь красноватого песка с круглыми разноцветными камушками-галькой, пересыпал с ладони на ладонь, выбрал маленький круглый камушек, розовый и как будто прозрачный, сгущающий свою прозрачность в глубину, поднял его к небу... Такой же камушек он подобрал тогда, на обратном пути. Встал, отряхнул песок, пошел к машине.

Светлый «ниссан» накалился, и он открыл дверцы, давая машине проветриться. Хм, насчет ветра это сильно сказано, но жар, скопившийся внутри, вылетел чуть не с хлопком, вынося запах перегретого пластика. «Ага, а кто будет приоткрывать окна, Пушкин?» Он сел, завел машину, с хрустом развернулся на гравийке и покатил к асфальту, на ходу включая кондиционер. Двигатель шумел ровно и уверенно, впереди была гладкая трасса и пустыня...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Механик и Богомила

День первый: Аэропорт Бен-Гурион – Яффа, пляж на берегу Средиземного моря, дистанция 28 км

Ровно работали двигатели самолета, так, что он перестал замечать их шум уже через полчаса. Аэробус проталкивался через плотный ряд облаков, и в салоне периодически потряхивало. Он успел подремать, почитать и посмотреть кино на планшете, а теперь вот несли завтрак. «Кошерное. Опять». Как-то он имел неосторожность при регистрации электронного билета выбрать кошерное питание, и теперь оно преследовало его в каждом полете. Он вздохнул, взял протянутую ему аккуратную коробочку, вскрыл, разложил. Разрезал булочку темного зерна, намазал ее хумусом. «О, вечный хумус! Привыкайте, Александр Иванович, к пище еврейской!»

Рыба была обжигающе горячей и неожиданно вкусной. И, таки да, как всегда – розовый зефир. Он поел, забил мусор в коробку, пристроил ее на откидном столике и задремал. Народ зашуршал, засуетился, зачастил по проходу к туалетам. Он слушал эту суету вполуха, морщился на потряхивание самолета и думал.

Он – летит в Израиль! Чудеса! Как вообще все это получилось? Он приоткрыл глаза, скосил их влево, в иллюминатор. Небо и облака. В основном – внизу, но иногда прямо проносятся в окне. Тогда и потряхивает.

А получилось все очень просто – одна его знакомая, которая как-то каталась с ним в трехдневном походе на велосипеде, сбросила ему в сети ссылку на группу с ироническим комментарием, типа, не хотите ли и вы поехать на «землю обетованную», отец Александр? Он открыл ссылку и понял – хочет. Списался с Алексеем, который все это организовывал, спросил, как мол, справится ли мужик пятидесяти лет с опытом ниже начального, и получил ответ, в целом примерно такой: да не парьтесь, все справляются, будут люди и постарше, никого в пустыне не оставим.

И вот, спустя полгода, он тут, в самолете, летящем на Тель-Авив. Две недели впереди, что его ждет? Что за компания подберется?

Он вынул смартфон, щелкнул иконку вайбера, выбрал группу «Израиль, март 20**», пробежался по диалогам – что, сколько брать, когда встречаться... Алексей отвечал всем четко и коротко. Шесть человек. Их группа – шесть человек. Алексей, молодой, на вид лет двадцать пять, лицо открытое, смотрит прямо в глаза. Фарковские, Татьяна и Леонид, предприниматели. Ага, вот и про возраст – Леониду шестьдесят три, ну, это утешает. С Татьяной, как с любой женщиной, непонятно. Регина, примерно его ровесница. Лицо простое, скинула фотки с Нового года, стоит в обнимку с мужем и с велосипедом, хм...

Он крутнул дальше, задержался на фотографии. Богомила. Какое странное имя... Вот, они даже попереписывались тут немного. У него на профиле был его снимок со службы, у Никольской церкви в Абалакове. Он не успел разоблачиться после литургии, и диакон Виталик снял его, устало сидящего на скамейке для бабушек, потом прислал в Фейсбуке: «Ты тут похож на Христа с картины Крамского, того, где искушение в пустыне». Он и поставил это фото на профиль зачем-то.

Богомила тогда написала: «А Вы что, священник?» «Да, – ответил он. – Служу поне-многу» И смайлик приклеил, будто извинился. «Интересно, – ответила она. – я обратила внимание на облачение. Просто я швея, шью для церкви тут похожие вещи». «Ну, значит, будет о чем поговорить», – отшутился он. Вот и весь диалог. Он увеличил фотографию профиля,

она пошла пикселями. Молодая. Сколько ей? Максимум тридцать? Стоит на велосипеде, улыбается, вскинула руки, будто приветствует...

Ладно, чего паяться в чужую жизнь? Он закрыл программу, включил авиарежим. Две недели вшестером. Пятеро из Украины, он из России. Притремся. Что он, не приспособливался к разным людям?

Самолет пошел на посадку. Он прикрыл глаза и, сжав подлокотники кресла, начал молиться. Летать на самолетах он не любил.

Его рейс прибыл на два часа раньше киевского. Он прошел паспортный контроль, с трудом объяснив не говорящему по-русски погранцу, что «I am a member of a bicycle group in Israel. The chief of the group has not yet arrived», потыкал пальцем в обратный и был благосклонно отпущен. На вертушке багажа его велочехла не было, и он пошел к угловому окошку в стене, где виднелась надпись про негабаритный груз. Там он его и ждал, стоя в углу.

«Эх, дружок, – крикнул он, вскидывая на плечо двойные лямки, – покатайся пока на мне, что ли. Недолго тебе осталось...»

Аэропорт Бен Гурион был большой, бестолковый и почему-то навевал ассоциации с Вавилоном. Африканцы, индусы (индусов было особенно много), арабы сновали по залу, через который он шел, как ледокол, приволакивая за собой велосипед. Плечи оттягивал велорюкзак на лямках, почетно прокатившийся в качестве ручной клади. На шее болталась сумка со всякой мелочью. Он шел к выходу. Алексей объяснил ему вчера в вайбере, что сразу за входом есть такой тенистый скверик с лавками, вот там и встретимся. «Там же и велосипеды соберем, как раз удобное для этого место». Ну что ж, у него есть два часа, чтобы собрать свой.

Скверик был. А лавками служили высокие борта длинного газона с деревьями и цветами. Сел, скинул с себя все барахло – рюкзак, сумку. Отдышался. И полез распаковывать чехол.

Пока он собирал велосипед, к нему дважды подошли. Один раз какой-то местный, слегка подшофе, что его удивило, поскольку было еще рано для винопития. Но местный был с женщиной, которую то ли встречал, то ли провожал, говорил по-русски и, видимо, вычислил в нем бывшего сородича сразу. Крутя шестигранники, он отвечал поддатому, рассказал, что знал про грядущий маршрут – Иерусалим, пустыня, Мертвое море, Эйлат... Услышав о пустыне, местный оживился и начал наставлять, как вести себя в пустыне, если прихватит дождями. «Сразу сваливайте повыше. При мне джипы уносило потоком, страшное дело – ливень в пустыне!»

Он кивал и крутил гайки, а местный, не дождавшись вопросов и какого-то развития диалога, заскучал, приобнял свою даму за талию, пожелал хорошей дороги и удалился.

Потом, когда он уже почти закончил, подкатили какие-то немцы на велосипедах, приветствовали, махали рукой, звали с собой: «Kommen sie mit uns...». Он поулыбался в ответ, помахал им грязной рукой, и они укатили.

Украинцы вышли внезапно и как-то стремительно, когда он сел на ограду-лавочку и, достав салфетки, начал оттирать с рук мазут. Небо было затянуто, иногда сверху срывалось две-три слезинки, но духоту и жару это не облегчало. Он мечтал уже скинуть с себя напыленное, ради экономии веса, еще в Москве термобелье, но велосипед и рюкзак требовали присмотра, не просить же приглядеть за его вещами вон того вояку, что курил в пяти метрах от него, одной рукой придерживая автомат? Военных, кстати, было полно, все, казалось, бродили сами по себе, а оружие таскали в открытую, без чехлов, с пальцами чуть ли не спусковым крючке...

Он встал навстречу группе, удивился какой, оказывается, высокий Алексей, чуть не метр девяносто, пожал руки, кивнул женщинам, представился. Хотел было пошутить насчет их слегка взбудораженного и делового вида, но прикусил язык – не шути с людьми, которых не знаешь. Пока народ вскрывал свои коробки с велосипедами, он сбегал в туалет, скинул термуху и умылся. Уфф... Потом бродил между новыми товарищами, предлагая то подержать, то

накачать колесо, благо, насос у него оказался самый крупный и мощный. «Нет, спасибо, мы справимся...» – Фарковские, Алексей и Регина только пожелали воспользоваться его насосом. Богомила сказала просто: «Хочешь – помоги», и он стал срезать пластиковые хомуты, крутить гайки, забрал у Богомилы и отложил в сторону – потом починит – рассыпавшийся набор шестигранников. И все как-то молча, странно даже. Наговорились они там, в самолете, что ли?

Собрали, обкатали по кругу велосипеды, разрезали и сложили плотно картонные коробки. «В камеру хранения?» – спросил он Алексея, кивая на здание. «Та ни, завезем их до одного друже. Тут недалече, километров тридцать». Он не представлял, как вот эти, в два метра картонные коробки они попрут на себе такое расстояние, но смолчал. Сбегал в здание, набрал воды, прихватив еще бутылок, залил питьевую систему в своем рюкзаке. Когда вернулся, Алексей уже выгружал из двух мешков продукты. Ого! Он кинул взгляд на свой велосипед. Так-то места еще навалом, конечно, но вес... Оценил здоровенный Алексеев рюкзак, большую сумку Богомилы, какие-то модные, но не очень вместительные сумки Фарковских (зато у них еще по две сумки крепятся на переднюю вилку, продуманно, отметил он), пристынул на маленькую сумочку на багажнике Регины.

«Мы с Лешей договорились, да, Леша? Он мой вес к себе возьмет...» Богомила, отвернувшись, тихо фыркнула, Фарковские продолжали возиться в стороне. Алексей невозмутимо кивнул и сказал: «Ну шо, любі друзі, разбираем еду, кто сколько може?»

Он, утрамбовав рюкзак на багажнике, стал набивать его пакетами. Алексей, готовя поход, подошел к делу основательно, все разложил по порциям и по дням, даже тушенку сделал сам, упаковав ее в вакуумные пакеты. Почти как у горных туристов или альпинистов, отметил он Алексею, и тот кивнул: «Так, а як же ж? Любой грамм на счету... А шо, вам доводилось?» Он молча кивнул.

Богомила пихала банки в свои боковые карманы на багажнике, сжав губы, он это отметил, но опять промолчал. Взял еще порцию, потом еще, распихал по углам палки колбасы. С трудом застегнул молнию, закрепил рюкзак багажными резинками. Потом, ругнувшись, снял резинки и стал пристраивать сверху свой велочехол с рулоном ковриков внутри. Готово!

Проехался по кругу, чуть не свалился на повороте, отметив, что, если начнет падать, велосипед уже не удержит, поставил загруженного монстра у ограждения и пошел помогать Богомиле привязывать ее коробку к сумке. Велосипед напоминал недоделанный планер с крыльями по метру с каждой стороны. Он рискнул пошутить, снять напряжение, она улыбнулась. «Полетаем?» – «А то ж!»

Выехали они уже по сумеркам.

Шли цепочкой по полосе, очерченной желтой линией, которую он назвал про себя «полосой отчуждения». Она была шириной от полуметра до полутора-двух, и в узких местах приходилось озираться, не мешает ли торчащая коробка слева догоняющим машинам. Он как-то сразу встал замыкающим – роль, которая ему не очень нравилась в походах, но тут было без вариантов – Алексей направлял, Фарковские иногда отставали, но все время норовили его обогнать и встать за Алексеем, а женщин оставлять за спиной не позволял то ли сексизм, то ли этикет. Он крутил педали по идеально ровной, без стыков и выбоин, дороге и почти не ощущал перегруженного багажника, чувствуя себя этакой пулей, даже увесистым снаряжением, летящим над шоссе. После шести вечера вдруг резко стемнело, и он не видел уже деревьев вдоль обочины, только различал диковинные «не наши» силуэты и слышал пение птиц. Такого пения он не слышал нигде, оно тоже было «не наше», южное или восточное какое-то, громкое, настойчивое, как толкотня на базаре. Вначале он даже подумал-было, что это обезьяны шумят, но потом понял, нет, птицы. Полосы то теплого, то прохладного воздуха, которые они пересекали, пахли по-разному, и бодрили, как контрастный душ

Километры катились под колеса, стало совсем свежо, даже прохладно, он пожалел, что поторопился и снял термик, но потом пошел пригород, дома, светофоры, темп сник, но и ветра не стало. Он сосредоточился на последнем перед ним человеке на велосипеде, стараясь его не упустить из виду, когда не успевал на зеленый сигнал светофора, но его всегда дожидались на ключевом повороте, а потом шли дальше. Как Алексей успевал среагировать на все эти развилки, он не понимал, потом, присмотревшись, увидел навигатор на руле.

Пошла береговая линия, пахло морем и рыбой, свежий ветер от воды ощутимо толкнул его влево, он вильнул, но удержался.

«Средиземное море!» – крикнул, обернувшись назад, Алексей. Они катили по набережной, по которой гулял народ, иногда кричали «Эскюз ми!», чтобы не задеть гуляющих своими картонными крыльями, и море сопровождало их то волноломом, то уходящей вдаль грядой скалистых камней, то забитой маленькими кораблями пристанью. Они протряслись по булыжникам мостовой и подкатали к спуску, уходящему круто вниз и перекрытому шлагбаумом. Дальше начинались ступеньки и песок.

«Приехали, – сказал Алексей и слез с велосипеда. – Дальше пешком» Пешком по песку оказалось совсем плохо, он прислонил велосипед к какой-то беседке и начал снимать рюкзак. Сбросил его на песок, поднял велосипед и понес вслед за темными фигурками, идущими впереди.

Алексей привел их в затемненный угол пляжа, огороженный каменной стеной, сказал: «Ставим палатки здесь». Он кивнул в ответ и, цепляя кроссовками песок, побрел к беседке за рюкзаком. Взгромоздил на плечо, охнув: «Да тут килограммов двадцать!»

Алексей возился с горелкой, колдуя над ужином. Он спешно поставил палатку и поспешил к морю. Оно шумело, плевалось белеющим в густом сумраке прибоем, накатывало к его кроссовкам. Он попытался потрогать воду рукой – куда там! Игра «догони волну» превратилась в другую – «убеги от волны».

«Що ви, Олександрє Івановичу, як дитина бігаєте за хвилями?» Он обернулся, увидел фигуру Богомилы. «Купаться?» – спросил он. «Та ни, только ноги помочу». И она, скинув босоножки, смело пошла к набегающей волне. «Осторожнее, Богомила, в Средиземном море водятся акулы!» – бросил он ей, улыбаясь. Она махнула рукой, не оборачиваясь.

Он отошел к сухому песку, на пяточок, освещаемый фонарем, повинувшись порыву, присел, запустил руку... Песок был теплый, мелкий и светлый, вперемешку с ракушками. Он поднял руку, начал сыпать его, подставил снизу другую руку. Выудил из кармана полиэтиленовый пакет, сыпанул туда несколько горстей песка, выбрал с десятков небитых ракушек, тоже бросил в пакет, завязал узелком. «Просили привезти святой земли, вот вам и святая земля. Со святого пляжа...» Вернулся к велосипеду, закинул пакет в велочехол, вжикнув карманом. «Вот и первые сувениры...»

И потом, когда они поужинали и легли по палаткам, ворочаясь на непривычно мягком песке, он целый час слушал, как в сотне метрах от него шумит, накатывая на берег волны, Средиземное море...

День второй: Яффа – Рамла – Модиин-Маккабим- Реут – парк Аялон-Канада, дистанция 54 км

Он проснулся резко, как от толчка, и сразу открыл глаза. Станный, желто-зеленый свет, исходя от потолка, заливал палатку. Рядом, слегка изогнувшись, чтобы не упираться головой и ногами в стенки, сопел Алексей. Тоже рядом, но чуть дальше, шумело море. «Средиземное...» – подумал он и засмеялся тихонько. Радость плеснула в него, как пена прибоя. Заворочался, открыл глаза Алексей. «Доброго ранку. Шо, сколько там времени?» – «Пять... сорок пять. Без пятнадцати шесть», – он сощурился без очков на наручные часы, поднесенные к носу. – «Пора?» – Пора!» – «Прошу пана!»

Алексей вжикнул молнией на палатке, на тенте, выскользнул из спальника, зазвенел посудой, поставленной возле входа. «Велосипеды на месте, Фарковские на месте, Регина с Богомилой вроде тоже на месте... А я пошел умываться, и за водой!» И пошуршал по песку и ракушкам.

Перекатившись из своего угла на центр, он выполз из своего мешка и сел. Маловата палаточка у него. Ну, зато легкая. За неделю до вылета Алексей удивил его, прислав письмо с вопросом про палатку – берет ли он и какую. Беру, написал он, – легкую, «экстрим» серии, почти одноместную, но можно и вдвоем. «А я могу с Вами поселиться? – спросил Алексей в следующем письме. – Неохота свою брать, лишний вес». Ну, конечно, он написал, что можно. Заодно и пообщаемся, порасспрошу его о маршруте, подумал он тогда. Но вчера пообщаться не довелось, как лег, так выключился. Смена часовых поясов, да из зимы в лето... Он вылез из палатки, глянул на большую, с тамбуром, палатку Фарковских, стоящую наособицу, на Богомилину зеленую палатку, попросторней, чем его, но ненамного. В палатках шебуршались и бормотали.

«Всем доброе средиземное утро! – радость все еще булькала в нем пузырьками газированного прибоя. – А кто купаться пойдет?»

«Купатися? Та ні, що ви таке говорите, Олександр Іванович. Підіть краще і вмивайтесь, слідом за Олексієм. І нам розкажете, як воно там», – Богомила, похожая на улитку с большим зеленым панцирем за спиной, смеялась, выглядывая из своей палатки. «Ну, «вмиваться», так «вмиваться»!» Он подхватил сумочку со своими причандалами – щеткой, пастой, мылом, полотенцем и, махнув Богомиле, побежал по песку вслед за длинной фигурой Алексея, идущего в сторону пляжного душа и туалета.

...Пока Алексей готовил завтрак, они собирались, упаковывались. Завтрак затягивался, так как мультигорелка коптила неимоверно и тухла. Алексей, помрачнев, принялся ее разбирать и чистить. «Похоже бензин вчера купил не очень хороший», – бормотал он, быстро собирая горелку обратно. Щелкнул зажигалкой. Стало лучше, кашу доварили, поели, Алексей помыл котел, поставил чай. «Экономим вес?» Алексей, не восприняв сарказма, серьезно кивнул: «Так».

Потом выносили с пляжа «коней» и рюкзаки, выючили за шлагбаумом, на асфальте, рядом уже готовили к открытию кафе, подметали, расставляли стулья и столики девушки-официантки, некоторые болтали друг с другом по-русски.

Поехали отвозить коробки. Снова был город, светофоры и машины, которые они легко обгоняли по левой обочине. Кучкующиеся в пробке водители с завистью поглядывали на их юркие велосипеды.

В каком-то очень спальном районе Тель-Авива они подъехали к одной из четырехэтажек, и Алексей попросил его и Леонида поднять на четвертый этаж все коробки. Вышел сонный помятый парень лет двадцати пяти, все забрал и унес в глубину квартиры, потом вынес им семь стаканчиков обжигашающе-горячего и ароматного кофе и спустился с ними к подъезду.

Они чокнулись картонными стаканчиками и познакомились. Миша, шесть лет как из Украины, живет тут с семьей, устроился нормально. А вчера праздновал Пурим, пришлось напиться. Так и сказал – пришлось. «Ну, традиция тут такая, нужно обязательно напиться в Пурим, чтобы друга от врага не отличать», – сказал он им и поморщился, потирая лоб. – Вот я вчера и старался».

Регина цокала языком, расспрашивала о зарплатах и ценах, и Миша, заскучав, засобиравшись и, попрощавшись, ушел, забрав стаканчики. Они, оседлав велосипеды, покатались дальше.

За городом они набрали скорость, и пальмы, которые он продолжал ловить боковым зрением, слились в какую-то зеленую стену. Наконец-то припекло. После прохладной ночи и морской свежести на них словно дохнуло жаром печи, прячущейся вдали. Встали, разделись. Таки лето, да! Он стянул термеху, отстегнул штанины: «Брюки превращаются...».

Проскочили, не задерживаясь, городок Рамла, с его двадцатисемиметровым минаретом и всей непростой историей. Он напрягся, вспоминая утренний рассказ-экскурс Алексея за завтраком. «Рамла» – песок по-арабски, в восьмом веке претендовал даже на столичное звание Палестины, хм... Ну, какая тут может быть столица? У крестоносцев был форпостом, потом отошел к Саладину, кажется. «А еще тут был Наполеон», – вдруг всплыло у него в голове. Он заоглядывался, прищурился на современные здания. Нет, никак не представляется здесь Наполеон. Чуть не въехал в бордюр, тормознул, выровнялся. «Мечтатель, мля...»

Фигурки участников маячили впереди, он поднажал, догнал на последнем светофоре. Вышли на трассу, и опять включились местные придорожные пальмы. «Как у нас тополя,» – подумал он. Алексей задал нормальный темп, не заставляющий его напрягаться, и он мысленно поблагодарил босса, привычно уже заняв свою нишу замыкающего. Темп и пальмы медитативно вогнали его в воспоминания о доме.

Он никогда не ездил и не ходил куда-то один, сколько помнил себя, всегда был в роли мужа, отца, священника, руководителя похода. Всегда – или семья, или группа, которую он собирал, вел, вытирал носы. Сколько намотано километров по Сибири, сколько пройдено километров в тайге и перевалов в горах, а вот только сейчас пришла в голову эта простая мысль – взять рюкзак и махнуть куда-нибудь, просто так, самому. Ни за кого не отвечать, ни на кого не оглядываться, вот так, катить по дороге, бездумно шурясь на яркое не наше солнце и пропускающая мимо себя пальмы. Цена вопроса? Да какая цена, когда вот так, две с половиной недели без вечного «должен», без прихожан, без подростков, за которыми глаз да глаз, без вечной папочки для всех. Кто он здесь? Один из шести, едущих по Израилю, Саша из Сибири...

Регина, правда, подсмотрела их с Богомилой диалог в группе в вайбере, насчет его прикида на аватарке. В аэропорту, перед стартом, подошла, смущенно улыбаясь, спросила: «А вы шо, правда священником служите? Непохож... Борода короткая, и вообще...» – «Регина, та ну шо вы такие кажете? – соскочил он тогда с темы. – И борода, и даже немного живот есть, все как положено. Но тут я не как священник, не волнуйтесь».

А как кто он здесь? Он даже еще ни разу не молился, не считая самолета. Как-то все затянуло его в круговерть похода, повлекло, расслабило. Может, и надо иногда?

Вошли в горку, скорость упала. Он слез с велосипеда, когда спидометр показал пять километров в час, повел тяжело груженный велосипед за руль. Какой смысл крутить педали, если движешься со скоростью пешехода? А так хоть можно сменить позу, поменять нагрузку на мышцы. Группа впереди двигалась на пониженной скорости, но немного быстрее его, делая километров семь. Ну и пусть их! Лоси, чего с них возьмешь?

С перевала катнул вниз, обогнал Фарковских, опасливо притормаживающую Богомилу, потом Регину, встал за спину Алексею. Тот обернулся, одарил улыбкой: «О кей?» «Оф кос!» – ответил он в такт.

Обедали в парке Неот Кдумим, огромном, полном народу. Нашли столики с лавочками. Алексей принялся ворожить над своей мультигорелкой, а он решил заправиться водой, да и туалет найти. Богомила вызвалась с ним. Пошли по дорожке, вверх, куда им указующе махнул сосредоточенный Алексей.

«Как ноги?» – спросила Богомила, и он удивился вопросу, автоматически глянув на свои ноги. Ноги как ноги, волосатые, жилистые. – «Нормально. А что?» – «Та ничего. Вы не парьтесь, раскатаетесь. Мне тоже тяжело за ними держаться, они все ребята раскатанные, вон какие. Лосяки. А у вас сегодня коленки болеть будут». Она взглянула на него немного сверху, обожгла взглядом, и он впервые подумал: а какого цвета у нее глаза? Синие? Зеленые? Цвет плавал в них и не давался, он отвел взгляд. «Ладно», – только и нашел что сказать. Потом добавил: «Может, на «ты» уже перейдем? А то в одной команде педали крутим, а выкаем, как незнакомые». – «А мы шо, уже таки и знакомые? – блеснула она зубами. – Какие вы быстрые, Олександр Иванович!». Он засмеялся в ответ: «Та ну шо вы, Богомила Олегивна, та яки ж ми швидки? Мы ж не лосяки раскатанные, скорее медведики сибирские!»

Болтая, дошли до туалета, набрали воду, пошли обратно. Там уже настаивался суп-харчо.

Чай решили не пить, запили бутерброды водой (минус одна палка колбасы, подумал он автоматически, укладывая еду обратно в рюкзак), и Алексей, развалившись на лавочке, рассказывал им про этот парк, а вернее – ландшафтный заказник, где еще с двадцатых годов прошлого века одна семья пыталась воссоздать парк библейских ландшафтов. «Теперь тут есть пруд Соломона, склон Песни Песней, лес, где, типа, течет молоко и мед, виноградники и всякое такое. Хотите прокатиться? Час еще есть, вещи можно скинуть, я поохраняю».

Они не хотели. Харчо и бутерброды сделали свое дело, тень от деревьев и лавочки манили больше.

«Так шо, Олексий Ивановичу, не хотите на склон Песни Песней взглянуть?» – подумал он голосом Богомилы и рассмеялся, лежа на скамейке. Сидевшая рядом Татьяна Фарковская оторвалась от планшета, взглянула на него и устало потерла лицо. «Работаете? Вай-фая же тут нет, как вы?» – «Да мы симку купили в аэропорту. Работаем. Бизнес – такое дело, руку держи на пульсе...» – «Я на сайт заглядывал к вам, – сказал он, садясь. – Только не очень понял суть, кроме как про похудение. Чем вы там занимаетесь?»

Она улыбнулась, усталая, когда-то красивая женщина за сорок, лицо ее, постоянно жесткое и волевое, расслабилось. «Да всем, Саша... ой, можно вас так?» – «Да, конечно! Можно и на ты, чего тут церемониться?» Она не возражала. «Лёню спросите... спроси, он все расскажет подробно». – «А? Чего меня спросить? – Леонид крабом подскочил откуда-то сбоку, заглянул в планшет Татьяне, потер ладони. – Про бизнес? Ну, это не бизнес, скорее, это больше, чем бизнес. Я работаю... как бы это выразить поточнее? Ну, в общем, психо... сексо... патолого...». – «Анатомом!» – ляпнула Богомила со своей лавки, и все, включая Леонида, рассмеялись. «Ну, почти. Хотя от меня, в отличие от патологоанатомов, все мои пациентки уходят очень даже живыми. Скажи, Танечка?» – «Да, женщины Лёню любят, – заулыбалась Татьяна. – Просто отбоя нету. И платят при этом неплохо». – «Да разве в деньгах счастье?» – приобнял Леонид жену за плечи, и все опять рассмеялись.

«Не пора ли нам пора?» – сказал Алексей и потянулся. Все зашевелилось, стали собираться.

Прошли парк-заказник насквозь, не разбирая, что тут где сочтется медом и молоком, выскочили на трассу. Вскоре показался город, похожий на гигантскую черепаху с двумя головами-небоскребами. Алексей остановился, дождался всех. «Город Модиин, – сказал он. – Точнее – Модиин-Маккабим-Реут. Город практически новый, выстроенный тут с нуля» – «Ну, это видно, – сказал Леонид, разминая поясницу. – Вон, какой он монолитный и единообразный». – «Говорят, – продолжил Алексей, – его построили по предварительному плану в виде спирали. Тут посуше, чем в Тель-Авиве, пустыня рядом». – «А чего это там на каждом этаже за бал-

коны такие огромные? – прищурилась Регина. – Причем, везде, в каждом доме. А, Алексей?» – «О! – Алексей засмеялся. – У евреев есть традиция на один из праздников жить в палатке. Ну, в память выхода из Египта. Для этого нужно взять все нужные вещи и поселиться вне дома, сделав себе шалаш или палатку. Вот, когда строили этот город, решили всем облегчить жизнь и к каждой квартире придумали такие рекреации. Теперь можно далеко от дома не уходить и обряд соблюсти, построив все, что нужно на балконе» – «Хитро! – залучилась улыбкой Регина. – Вот же ж жиды, хитрые какие!»

Он заметил, как слегка дернулось лицо Фарковского, а Богомила рассмеялась: «А я еврейка, Регина. Кровь еврейская во мне течет-таки. А в тебе нет, случайно, нашей еврейской крови?» – «Та ну тебя, Богомилка! – отмахнулась беззлобно Регина. – Наслаждайся исторической родиной!»

«Праздник Суккот», – сказал он, кашлянув. Они все с удивлением воззрились на него. «Называется так – «суккот», или «кущи», – пояснил он, радуясь, что отвлек всех от взрывоопасной темы. – Празднуется осенью, обычно в октябре, после сбора урожая, продолжается семь дней». – «О! У нас же есть пастырь! – Регина смотрела на него в упор и улыбалась. – И на иврите можете?». – «Увы, Регина. Боюсь, что мое знание библейского иврита не очень поможет в чтении вывесок и табличек. Разве что будет дублироваться на мове, та и её я знаю зовсім небагато, інакше як жеж мне тут с вами спілкуватися?»

Модиин объехали по дуге, он опять шел, в сумерках толкая велосипед в подъем. Его ждали наверху, дружно катнулись вниз, Алексей, притормозив, показал еще ниже поворот километрах в двух. «Там будет подъемчик небольшой и место нашей ночевки. Чуть-чуть осталось».

...В парк Аялон-Канада они въехали уже по темноте.

Налобные фонарики оказались только у него, Фарковских и Богомилы, что вызвало у него скрытое удивление, а у Богомилы – открытое ворчание. Палатки поставили под оливковыми деревьями, отгребая ногами мелкие камушки с утоптанной и ровной земли, велосипеды пристегнули к деревьям, предварительно, на всякий, сдернув с них сумки, компьютеры и седла. «Когда мы тут в прошлом году ездили, нам объяснили, есть такой прикол – седла с великов воровать, – сказал Алексей, разводя свой керогаз, как окрестил про себя горелку Саша. – А ехать-то без сиденья скучно. Так что, лучше снимем, сложим в тамбуре».

Поели, попили чаю. Пошли умываться в местные «удобства», «эм» и «жо», да еще отдельный туалет для инвалидов есть, отметил он. Пока мылись, чистили зубы и перемывали посуду (Алексей, на его взгляд чересчур усердно тер ложки-тарелки и котелок щеткой с жидким мылом), он получил вводную на завтрашний день – полтинник километров и почти полторы тысячи набор высоты. «Особенно после обеда тяжело будет, – говорил Алексей, смывая пену. – Почти все время в горку, прямо до Иерусалима». Он молчал, споласкивая посуду и прислушивался к коленкам. Они уже начали ныть.

Улеглись быстро, утихомирились. Не спалось. Он скосил глаза в сторону Алексея, тот тоже не спал. Поболтали с полчаса о том, о сём. Он рассказал Алексею о своем опыте, о сибирских горах, где в жарком июле не тают ледники, а водопады и озера сняты потом по ночам. «Приезжай? У нас тоже есть где походить и что посмотреть. В топку политиков!» – «В топку, – согласился Алексей. – Будет маршрут – приедем, присылайте. Мне было бы интересно попасть к вам» – «К тебе, – сказал он. – Без церемоний. Вроде уже даже и перешли на ты». Поболтали еще. Алексей рассказал о своих маршрутах, в основном, велосипедных, немного пеших. Кипр, Турция, Беларусь, Карпаты... «И – Сибирь! В перспективе». На этой ноте и уснули. Ночной ветер качал над палаткой ветвями оливковых деревьев.

День третий: парк Аялон-Канада – мошав Месилат- Цион – Эйн Керем – Иерусалим, дистанция 49 км

Под утро ему приснился странный сон – он стоит один среди деревьев, окруженный плотным туманом. Он понимает, что это – оливковый сад, но где их лагерь, куда ему идти? Он озирается, но кругом одна и та же картина – туман, сквозь который выглядывают корявые стволы с зелеными листиками, а на ближайшем дереве он даже видит завязь будущей ягоды. Он пробует идти, но потом останавливается, понимая, что потеряет это место, где стоял, и тогда уже точно и окончательно заблудится. «Э-эй! Кто-нибудь слышит меня?» – слова вылетают из его горла как-то силно и вязнут в белой вате. Никого. Ну, хоть бы звук. Хоть намек. Огонек, звон посуды, кашель... Ничего. Как ему решить эту проблему, а? Паника накатывает прибоем похлеще средиземноморского. А если это навсегда? Если он тут застрял навсегда, среди этих чужих деревьев и чужого тумана? Если с рассветом это не пройдет, и он никого не найдет и так и останется тут? Надо идти. Давай. Собирайся с духом и... Он делает шаг вперед – и острая боль пронзает его колено, заставляя его охнуть и присесть. Выдох-вдох, распрямился, новый шаг – и новая боль, и еще шаг, и еще... Он тянет руки в толстому у земли и тонкому, в руку толщиной, уже в метре от земли, стволу дерева, тянет, чтобы ухватиться, делает еще шаг...

Он лежал на боку, неимоверно болело колено левой ноги, той, что была сверху и, как бы, на излом. Закусив губу, он выровнял ногу, и боль ушла. Ого! Здравствуй, возраст?

Зашевелился рядом Алексей, высунулся из капюшона спальника: «Доброе утро! Сколько времени?»

Было почти шесть, но Алексей, бормотнув что-то про еще пять минуток, нырнул в спальник, сокращаясь в нем со своих почти двух до полутора метров в позе зародыша. Он попробовал закрыть глаза, но они тотчас отрылись обратно, как на пружинках. Память о сне и боли не пускали обратно, в уютную негу и дрёму. Ну, ладно...

Он сел в спальнике, осторожно развернувшись, но колено не протестовало, так, лишь напомнило о боли слабым ноющим отзвуком. Значит, пора! Сегодня первый он.

Вылез поверх мешка, стараясь не наступить на Алексея, недовольно принохался и сдернул с ног носки. Фуу... Вчера как-то было не до этого, а сегодня, раз есть время и туалет с раковиной, он пойдет и стирает. А потом зацепит их за резинки своего рюкзака сзади, пусть развеваются флажками и сушатся. Одернул термик, вылез из палатки, натягивая синтепоновую жилетку (хорошо, что не оставил с коробками в лишних вещах в Тель-Авиве, как планшет и электронную книжку!), осмотрелся... И замер.

Он словно вернулся в свой сон – в оливковом саду, где они встали вчера на ночлег, было молочно-туманно. Палатка Богомилы, что стояла в трех метрах от его палатки, была почти не видна, а уж Фарковские, поставившие свою, как и в прошлый раз, в стороне, не были видны вовсе. Он опасливо потер левое колено и сделал шаг к столу с лавками, где стояла его барсетка с умывальными вещами. Ничего. Еще шаг. Нормально. Мистические настроения схлынули, смытые иронией. Ну, туман, ну, колено... Как там, в песенке одной? «Не ссы, степняк, ты умер не зря...» Насвистывая мелодию и помахивая барсеткой, он пошел в направлении к туалету.

В «Эм», как он помнил, не работало электричество, но сейчас утренний белый свет проникал в щель над приподнятой крышей, и он, отворив скрипучую дверь, вошел и бросил барсетку на умывальник. Умывание, чистка зубов и бритье (как обычно, щеки и шея, усы и бороду чуть подровнять) принесло привычную успокоенность, настроив его на рабочий лад. Прихлопнув щеки экстрактом календулы («Освежить?» – вспомнилось вдруг ему из посещения парикмахерской в глубоком советском детстве), он вытянул из кармана грязные носки, намылил их, прополоскал, еще намылил, пошоркал, смыл, опасливо понюхал... Пахло мылом, и он, удо-

влетворенно отжав их, сунул в край кармана. Дверь скрипнула двойным скрипом, и он вышел в туман одновременно с Богомилой – она шла из своего «Же».

«Олександре Ивановичу! Чу! Доброго ранку вам! Налякали дівчину з ранку, день зроблений?»

«Наля... – что? Что сделал?» – он был обескуражен эти внезапным столкновением. «Шо, шо... Напугали, вот шо». Она улыбалась ему, а потом дернула за руку: «Идем уже!» Пошли сквозь туман и деревья, как в его сне. Он хотел было, повинувшись порыву, рассказать ей об этом своем мистическо-метеорологическом видении, но сдержался. Спросил вместо этого: «Как спалось?» – «Та нормально. Прохладно під ранок, и Регина весь час під бік попадається, а так все годно». Скосила глаза на него: «А вы, Олександру Иванович, як ви спали?». Он рассмеялся: «А так же. Алексей дюже длинный попался. А вот мерзнуть – не мерз. Спальник у меня теплый, хороший!»

Они подошли к палаткам. У столика уже возился со своим «корогазом» Алексей, не пожелавший покинуть свой спальник. Теперь он был накинут ему на плечи, теплым плащом. Рядом шуршала продуктами Регина, ярко отсвечивая красной курткой. Повернулась на подошедших, уперла руки в боки. «Пришла? Ну, Богомилка, ты и беспокойная, как... Как... ну, как змеюка кака! Вертишься ужом под утро, дрожишь, трясешься, прижимаешься... Никакого покою с тобой! Может, вы, Саша, заберете уже ее к себе в палатку? На перевоспитание?» – «Заберите, Олександр Ивановичу! – Богомила молитвенно сложила руки перед собой, а глаза ее смеялись. – Спасите меня!»

Он растерялся от такого поворота разговора, развел руками: «Так мы ж там уже с Алексеем... Тесновато будет втроем...»

«Так, Богомила, давай, не стой, собирайся!» – Регина снова отвлеклась на воспитательный процесс, и он отошел, немного ошеломленный. Принялся собираться сам, потом подоспел Алексей, поставивший вариться утреннюю кашу «з волоським горіхом і родзинками», в которых он определил, заглянув в котелок, грецкий орех и изюм. Алексей помог свернуть палатку, потом убежал снимать кашу и умываться, а он, достав камеру, решил поснимать. Оператор из него, конечно, никакой, но все-таки...

Пока возились, туман соскользнул с утренним ветерком и пропал. Показался Леонид, стремительно шагающий на своих коротких кавалерийских ногах, обтянутых трико, к велосипедом. Поднял вверх руку с чем-то в ней зажатым, обнажил в экран ровный ряд белых зубов: «Всем доброго утра! Вторая ночь на этой земле, сегодня уже третий день похода! Сейчас замеряем давление в шинах вот этим манометром, подкачаем, поедим – и поедем!»

Камера скользнула на Регину, затягивающую под подбородком красный шлем, превратила плотно сжатые губы в сладкую улыбку: «Ой, Сашко... Снимаешь? Ну, Саша, сегодня ты войдешь в историю. Нам надо пройти пятьдесят километров, из которых половина – сплошного подъема, и ты войдешь в Иерусалим. Так что сегодня запасайся силами!» Он хмыкнул, продолжая снимать: «Вот уж точно – войду! Вряд ли въеду...»

Наезд на кроны деревьев и небо, потом соскользнул вниз, к соседнему столику, где на лавочке лежала уже готовая к отъезду Богомила. Подошел: «Ну, несколько слов?» – «Шо, сказать надо? А шо говорить?» – «Ну чего ты ожидаешь от этого дня?» – «Чтобы он закончился... Ну, закончился нормально, чтоб мы все дошли в Иерусалим... Чтоб проколов не было! Самое ужасное, когда ты устал, в горочку путь, а тут – на тебе! – прокол. – Она помолчала, потом ее глаза блеснули: И сегодня нас ждет ведь хостель! Я так чекаю этой возможности – залізти под горячий душ! И намазать, наконец, руки и лицо. А то меня тут с утра только и делают, что гоняют, как муху». Она стрельнула глазами в сторону Регины.

Появился Алексей, свежееумытый, бодрый, заглянул в камеру. «Идем сегодня в Иерусалим! То, что раньше люди делали годами, мы должны сделать за день. И это будет нелегко,

двадцать пять километров сплошного почти подъема – это хорошее испытание. Но, зато там нас ждет отдых. Кушаем и идем?»

По трассе двигались уже установившейся колонной, которая сбивалась только в населенке – впереди Алексей в патриотичных «жовто-блакитних» шортах и майке, потом красненькая Регина, верхом на своем незагруженном красненьком «Тошике» (у нее велосипед имел имя, и она с ним иногда разговаривала, вызывая гримасу на лице Богомилы), потом шли Фарковские – облегченная Татьяна и загруженный Леонид, похожий на краба, припавшего к рулю-барану, потом крутила педали Богомила, а он – замыкал.

Шли парковыми дорожками, по проселку, немного крутнулись, когда Алексей потерял сигнал GPS, но потом выехали к границам парка, встали «на передых» на смотровой площадке, где открывалась панорама с видами, от которых захватывало дух. На западе виднелась черепаха Модиина, который они обогнули вчера, внизу раскинулся большой сельскохозяйственный пруд (не покупаешься, все заграждено, сказал Алексей, предупредив все вопросы), а за прудом, на северо-восток, в холмы уходила их дорога. «Вон, туда – в Иерусалим...» – «Что, вон те подъемы? Это уже двадцать пять кмэ нашего кошмара?» – «Та ни, это так, разминка...»

Спускались по каменистой крутой дороге в обратном порядке – он ушел вперед, на развилках ждал Алексея, тот рукой показывал направление, и он уходил в спуск. Ему это нравилось – лететь вниз на загруженном велосипеде, проверяя себя на устойчивость, способность к остановкам и притормаживанию, огибать колеи и камни...

У пруда перед подъемом вновь встали обычным строем. Прошли холмы, где он периодически толкал велосипед пешком, а потом неся вниз, всех догоняя. Вышли на асфальт: «Ура, цивилизация!»

Проскочили городок, где Алексей прикупил еще литр бензина для горелки, а они, стоя на заправке, пытались поймать местный вай-фай, чтобы отзвониться или отписаться по вайберу или скайпу. Фарковские пили местный кофе, Регина, поглядывая на их стаканчики, ругала местные цены, Богомила улыбалась в небо.

В мошаве, маленьком поселке с названием Месилат Цион встали на обед на детской площадке. Алексей колдовал у своей горелки над борщом, Регина деловито резала здоровенный шматок сала, шелушила чеснок, разворачивала серый хлеб-нарезку, Фарковские набирали воду в местном фонтанчике, Богомила бродила по площадке, заглядывая во все углы – на горку, спиралью спускавшуюся к мягкому обрешиненному полу, на трубу с окнами-иллюминаторами, качала зайцев на упругих пружинах с сиденьями на спинах и ручками-держалками на ушах. Заметив, что он наблюдает за ней, улыбнулась, стряхнув с лица задумчивость и пропела почти: «Что, Олександр Ивановичу, нравится дитячья площадка?» – «Хорошо здесь», – кивнул он. «Да, и нам хорошо, и деткам дуже гарно... – она оживилась, кивнула в сторону Алексея и Регины: А борщик украинский будете кушать? З сальцем, з часником...» – «Борщик-то да, это тема. А вот сальца – ни, не ем я сала вообще» – «Як жеж так? – удивилась Богомила. – Почему? С хохлами поехали, а сало не едите?»

«Ну-ка, Богомилка, прекрати оскорблять свою страну! – оторвалась от нарезки сала Регина, свела брови. – Ишь, хохлов она нашла тут!» – «Так я ж жидовка по бабушке!» – Богомила насмешливо повернулась к Регине. Та дернула головой: «Ну вот и оставайся тут, на своей родине. Исторической...»

Он среагировал снова, интуитивно встав между ними: «Регина, а можно мне з вашего сала трошки мясца срезать? На бутерброд только?» – «Да какое оно мое, сало это, Сашенька! На мне столько сала не будет никогда! – запела, отвлеклась Регина. – Да режь на здоровье!»

Он накромял мяса с кусочков копченого сала, придавил двумя кусочками хлеба, хрустнул чесноком... В ожидании борща импровизированный сэндвич пошел неплохо, под местную воду из фонтанчика.

«А знаете, – обратился он ко всем, уже подтянувшимся к котелку с борщом, – как у нас на телевидении Украину представляют?» Все воззрились на него с удивлением. «Вот, ходят у вас по улицам Киева правосеки в нацистской форме и зигуют везде. Всех заставляют на мове говорить. А еще образ появился в среде наших «патриотов» такой, очень для этих мест актуальный – «жидобандеровцы». Слыхали?»

Регина аж поперхнулась от неожиданности: «Шо? Жидо... бандеровцы? Это как?» – «Не слыхали... – засмеялся он. – А вот так. Такой вот гибрид слепили в нашей с вами гибридной войне».

«Ну, жидов-то у нас хватает, как и везде, – кивнула Регина, отправляя в рот бутерброд. – Особенно во власти. То майдан мутить, то деньги делить, это они мастера...»

Регина была абсолютно незамутненной бытовой антисемиткой, и ее простота его даже восхищала. Он, слушая периодически ее сентенции, поражался способности этого ума так сочетать в себе всё: резко пахнущий квасом патриотизм, антизападничество, способность видеть во всем еврейский заговор, радушие и гостеприимство на уровне группы и вполне себе русский язык вместо мовы. «Прям классика «авторитарной личности» по Адорно, – думал он. –Хоть сейчас экспонатом на лекцию по социологии».

Алексей, доедая свою порцию, предложил: «А шо, любі друзі, давайте соответствовать образу? Теперь, каждое утро начинаем с того, что зигуем, а потом заставляем Александра кричать «Слава Украине!» – «Угу, – кивнул он, дуя на горячий борщ, – а еще скакать будем, с криками: «Хто не скаче, тот москаль!»».

Все засмеялись, представив себе это утро нового дня, лишь Регина наставительно подняла палец, глянув на него: «Разве ж москаля этим исправишь?»

«Это кто это москаль тут? – притворно обиделся он. – Сибиряки москалями никогда не бывали!»

«Сибирь... Большая такая она, – Богомила вытирала хлебом тарелку, потом отправила кусочек в рот. Взгляд ее был задумчив. – А я хотела бы жить в России. Може, и в Сибири навіть. Втомилася від нашої бідності. Від чехарди цієї. А у вас там стабільно ...» Он с интересом посмотрел на нее, усмехнулся: «Ага, стабільно. Как в морге после отбоя. Все лежат по своим полочкам, коченеют, ждут, кто вскрытия, кто похорон. Иногда разговаривают, критикуют врачей» – «Ну, не знаю. Пожили б вы в нашому бардаку і з нашими зарплатами ...» Регина отставила тарелку, уперла руки в боки, набрала воздуха: «Ох, Богомилка! Всё тебе не так! И страна не нравится, и бардак наш не люб... Езжай уже в Рашу, там тебя ждут с распростертыми объятьями! А мы в Украине как-нибудь сами разберемся, повыгоняем олигархов еврейских, наведем порядок!» Он примирительно поднял руки, смеясь: «Всё, всё, брейк! Ну хотите, я попрыгаю?» Богомила обожгла его взглядом, махнула косой, усмехнулась: «А шо? Полезно після обіду пострибати, укласти все...»

После чая все поразбрелись по площадке полежать полчасика в тени. Он подошел к Регине, доверительно тронул ее за плечо. «Регина... Как бы это... В общем, вы бы еврейскую тему не эксплуатировали так откровенно? А то, мне кажется, что Фарковские они тоже... не очень украинские украинцы. А вы – «жиды, жиды».

Регина растерялась: «Ну... А чего я такого говорю? Все жеж правда! Есть евреи, а есть жиды...» Он засмеялся: «Так что ж вы сюда, в самое сердце жидовское поехали?» – «Так надо же посмотреть, как они живут. Ну, и тут не только евреи, тут же и наше православие, и вся история...» Он отошел, привалился на лавочке неподалеку от Богомилы, поморщился: да, горбатого могила... И вообще, зря он столько чеснока слопал с бутербродом, теперь припекает не только сверху, но и изнутри.

Богомила приподняла голову, неожиданно подмигнула: «Что, Александр Иваныч, пытаетесь воспитать весь мир?» Эта неожиданная очень русская речь обескуражила его: «Да куда мне! Мне бы себя воспитать...» – «Не поздно?» – «Та ни, трошки есть запас, лет на пять-

десять». – «Да вы оптимист, Александр Иванович. И романтик...» – «Есть маленько», – сказал он, укладываясь. – «Ну, вы тогда водички попейте. А то чесночок – тяжелая пища для подъема в двадцать пять кэмэ», – она тоже легла, опустив свой козырек на глаза.

«Да кто она такая, эта Богомила? – думал он, прикрыв глаза и пытаясь расслабиться. – Странная какая-то, право слово. Все остальные – понятны, более-менее. Алексей – начинающий гид, пытается поймать свою струю в линии поведения с клиентами, с лидерством у него, правда, так себе, заявка по факту есть, а решительность... ну, может, тут я ошибаюсь. Регина – типичная продавщица сельмага, вдруг разбогатевшая слегка на каком-то своем бизнесе. Отсюда все эти внутренние стычки повадок и амбиций. И в Марокко она была, и на Кипре, не говоря уже о Таиланде, и шуба у нее дома песцовая, а сама копейку считает, кофе на заправках и хочет взять – и не берет. А может еще и держит линию с Алексеем, тот, похоже, в очень экономичном режиме решил путешествовать. Фарковские – сами по себе, сразу дистанцировались, бизнесмены, типа повыше классом, чем Регина, видно, как ее вульгарность их дергает. Хотя – точно самоучки, не аристократы, «из разночинцев», как раньше говорили. А Богомила...». Он заметил, что ему приятно думать о ней. Приоткрыл глаз, глянул на соседнюю лавочку. Красивая, стройная, молодая, да, наверное, около тридцати. Молодая, а когда говорит серьезно, то будто и ровесница его. Говорит... Эти мягкие интонации, переход на украинский, улыбка – все это словно что-то прятало, скрывало какую-то тайну. «Романтик!» – фыркнул он про себя. Вот уж точно заметила. Он – романтик. А еще – кто он? Вот о всех он уже составил мнение, а о себе? Кто он, Александр Иванович, пятидесяти одного года, священник, турист, женат уже больше тридцати лет, четверо детей, трое из которых выросли уже, а четвертая вошла в тот «нежный возраст», когда критичность к родителям превышает всякую критическую массу авторитета... Он подумал о жене. «Брак без брака». Ну, почти... Он никогда ей не изменял, кроме одного раза, тогда, в самом начале их жизни, когда он пришел из армии, откуда писал каждую неделю романтические письма – ей и их маленькому сыну, а вернулся и «любовная лодка разбилась о быт». Было трудно, она уходила, потом он, потом опять она. Соня всплыла в его воспоминания неммым укором, черт, черт, как все это пошло и глупо было... Как в песенке: «Подруга друга...» Соня тогда просто подвернулась ему в тяжелый период, когда он остро чувствовал свое одиночество, она просто вошла в его эти полгода блужданий вне дома, ничего не требуя, никак не заявляя прав, как там, в песне? «Она была робка и молчалива...», и это его начинало бесить и тяготить, ну, он же не Раскольников, а она, хоть и Соня, но не Мармеладова... Кончилось все так же внезапно, как и началось, он вернулся домой, в семью, а потом, спустя год, Соню накрыло лавиной на Алтае, всех спасли, всю группу, а она задохнулась, и он тоже задохнулся вдруг, будто лишился воздуха, будто сверху – тонна плотного снега. Ее привезли хоронить в Энск, и он был там, на службе, когда ее отпевали, смотрел в гроб и не мог поверить, и только один вопрос по кругу в голове ходил: «Зачем? Зачем? Зачем? Зачем?...» А когда на кладбище все разошлись, он остался один на один с этим вопросом, к нему подошел отец Василий. И нет, не сразу всё это так сложилось, но уже сейчас он понимал – отсюда всё и пошло, от закрытых глаз Сони, в которых он видел снег, от этого проклятого вопроса... Два года его ломало и корёжило, но рядом был отец Василий, и жена всё приняла покорно, что было на неё не очень похоже, и этот путь, от купели крещения до рукоположения, сначала в диаконы, а потом и в священники, мелькнул одним днём, десять лет, как один день, как отпустительная молитва...

И он, конечно, не мог остаться в Энске. Тогда ему предложили поехать в маленький городок Сонск, моногород с умирающим заводом, за тысячу километров от Энска. Там всё нужно было делать почти с нуля, он согласился, и они, всей семьей, тремя тогда еще детьми, снялись и уехали из города, уехали чтобы начать всё с чистого листа, как и хотел. И – почти двадцать лет. Целая жизнь. Разная. Старшие, трое, выросли и разъехались, кто куда – учиться, работать, замуж... А он вдруг опять затосковал, почувствовал – если они не снимутся отсюда

в ближайшее время, если он не начнет сначала – все, ему конец. Он выйдет в тираж. Еще лет пять, от силы – десять. И – что? Приходской священник в трех маленьких стагнирующих приходах? И горы уже не радовали так, как раньше, не радовали бесконечные походы с детьми уже тех, кто когда-то подростком ходил в горы с ним. Он чувствовал – надо рвать этот круг, что-то менять. Но не веру, конечно, и, наверное, не служение, не так радикально. А что? Город? Страну? Планету? Кто и куда его отправит? В миссию на Марс?

Он усмехнулся. Кто они все, люди в этой группе – это, конечно, интересно. Но пока он не поймет кто он сам – он ничего не изменит. И да, Богомила – тоже загадка. И имя у нее странное. Надо спросить ее как-то об этом ее странном имени. Соскользнув с неприятных мыслей о себе на приятные о Богомиле и осознав это, он хлопнул себя ладошкой по лбу и сел. Пора выучить велосипед...

Подъемы начались сразу после обеденного перерыва. Затяжные, многокилометровые, которые он преодолевал в основном пешком, ртом хватая воздух и проклиная себя за чеснок. На одном из редких спусков, обогнав колонну, он встал у автобусной остановки, напился и достал батончик мюсли. Подрулила Богомила, скрипнула тормозами. «Хочешь? – он протянул ей батончик. – У меня есть еще» – «Дякую...». Богомила взяла батончик без церемоний, он достал себе еще. Съели. «Ммм... Вкусно! Я такого не ела». – «Хочешь еще?» – «Та ни, потом!»

Мимо них, не останавливаясь, пронесли Татьяна с Региной. «А где Леонид и Алексей?» – он тревожно всматривался в поворот, откуда они шли. «Да, кажется, у Леонида с животом что-то, а Леша его ждет. Догонят». Богомила сдернула очки со шлема, надела, став похожей на диковинную стрекозу, и хлопнула его по плечу: «Ну что, Раша, летс гоу?»

Потом, уже почти в сумерках, были узкие «торчки» подъема в каком-то ущелье, где «полоса отчуждения» пошла уже по самому краю, и машины опасно объезжали его, толкающего велосипед в гору, как Сизиф толкал свой камень.

У самого города, когда уже только луна и его фонарик освещали путь, он понял, что остался один на один с этим треклятым подъемом, вечным, как этот город, нескончаемым подъемом. Обогнал его Алексей, крикнув, что дорога одна и они ждут наверху, отстала Татьяна ждать мужа, а он шел, сначала по краю дороги, а потом по какому-то тротуару, вдоль огромного каньона, который заливала темнота, как река, дышал ненасыщающей свежестью, плещущей из темноты, смотрел на отблескивающие в свете луны купола какой-то церкви, шел на ногах, которые уже не хотели никуда идти, шел вверх, упрямо толкая свой тяжелый велосипед, шел и репетировал свою последнюю речь. «Алексей, ребята! Вы меня простите, но я, кажется, не очень рассчитал свои силы. Я оттягиваю группу, а впереди еще так много всего, пустыни и километры. Наверное, и вам и мне будет проще, если я останусь тут, в хостеле, поживу, посмотрю Иерусалим, а потом, к концу похода, подъеду к вам в аэропорт. Давайте договоримся о месте и времени встречи?»

Город начался там, где закончился этот подъем, начался фонарями, гонящими тьму прочь, веселым треньканьем трамвая и площадкой, на которой три фигуры с велосипедами махали ему рукой. Он дошел...

...Фарковский действительно заболел, это стало ясно, когда они вошли в комнату в хостеле, и тот мешком со стоном упал на ближайшую кровать. Комната была прокурена, кровати стояли «вертолетами» в два яруса, и он занял угловую нижнюю, Алексей кинул вещи наверх.

Леонид буркнул: «Отлежусь», сдернул кроссовки и залез под одеяло, Татьяна хлопотала рядом, копаясь в аптечке.

Он распаковал рюкзак, кинул вещи на верхнюю кровать рядом, кивнул Богомиле: «Занимай половину. Будет твой шкафчик». Она благодарно кивнула, начала дербанить сумку.

«Тут душ есть в номере, а еще – два в коридоре, в конце, – сказал Алексей. – Я пошел мыться». Когда он вышел, повисла тишина. Потом Татьяна напряженно сказала: «В номере... Это, что ли, номер? Прокурено все, окон нет, не проветришь...» Регина судорожно сглотнула, но промолчала. Богомила скрутила что-то в полотенце, пропела: «Я в дуууш!» и хлопнула дверью. Отвернувшись от всех, тяжело дышал Фарковский.

«Так, – сказал он, понимая, что надо что-то сказать, но не очень себе представляя, как все это напряжение разрядить. – Я так понимаю, что за все уже уплачено, и ничего мы тут не изменим. Примем, как есть. А есть – что? Чистая простыня, крыша и горячая вода. И еще в кухне, говорят есть горячий чай и кофе – бесплатно и с сахаром. Ну, немало уже. И еще – завтра день отдыха». Он встал, подхватил полотенце и сумочку: «Я тоже пошел мыться».

Потом все пили дармовой чай в ожидании ужина, сидя в маленькой уютной комнатке с широким угловым диваном. Кто-то юзал вай-фай, кто-то блаженно дремал, прикрыв глаза. Разложив по тарелкам чечевицу с тушенкой, Алексей предложил обсудить завтрашний день. «Есть экскурсовод за двести баксов, на весь день. Она сказала, что часов восемь гарантирует по старому городу и окрестностям. Берем?» – «А шо, Леша, сами мы не сможем походить?» – Регина просительно вскинула глаза. – «Дак шо ж мы сами-то увидим? – сказал Алексей. – В прошлый раз мы вот так сэкономили и ничего не нашли толком. Ничего не увидели. Не, я готов выложиться на экскурсию, кто еще?» – «Ну раз так, то и я» – кивнула Регина. «Я – за» – просто сказала Богомила и глянула на него. «Ну да, – он кивнул, – конечно. Как тут разбираться без Вергилия?»

«Мы не идем, – Татьяна развела руками. – Отлежимся, сами погуляем»

«Значит на четверых – по полтиннику. На том и порешили», – прихлопнул по столу Алексей.

День четвертый: Иерусалим, день отдыха.

Утро в Иерусалиме встретило их дождиком, мелким и противным. Окно на кухне-столовой, где они завтракали, было, оказывается, выбито и теперь покрывало, прикрывавшее дыру, пузырилось от порывов сквозняка. Пахло сыростью, плесенью, подгнившими фруктами и еще какими-то странными запахами дешевого хостела. Они ели молочный суп-лапшу и молчали. Не хотелось ни на какую экскурсию.

«Внизу можно поменять деньги, кому надо. Доллары на шекели, курс тут нормальный, – сказал Алексей, облизывая ложку. – Еще кому добавки надо?»

Было восемь утра, экскурсия начиналась в десять. Он откопал в местной библиотеке (в коридоре стояла буккроссинговая полка) какую-то русскоязычную книжку для новичков в исламе и с увлечением листал этот своеобразный катехизис, Богомила устроилась рядом и пила чай, подобрав под себя ноги. «Интересно?» – «Ну... так, занимательно. В общем, все это известно, но вот чтобы так... инструктивно, что ли, я встречаю впервые». – «Вчера в коридоре на диванчике видели девушек, Александр Иванович? – Богомила приподняла брови и придвинулась заговорщицки. – Я вот думаю, не жены ли это хозяина нашего хостеля? Что там, в этой книжке про жен говорится?» Он хмыкнул, глядя в ее смеющиеся глаза, заодно припоминая двух молодых, лет по шестнадцать, девчонок в хиджабах, весь вечер вчера сидевших в коридоре на диване и щелкавших пультом от телевизора: «Все бы вам, Богомила Олегівна, весь ислам к многоженству сводить... А вообще-то я уже просил перейти на «ты», а? Уже три дня знакомы, а все выкаем». – «Какой вы быстрый Александр Иванович, – в тон ему парировала Богомила. – Все бы вам с девушками на «ты» всего на третий день знакомства!»

Чай пили долго, он принес всю изломанную плитку темного шоколада «Российский», неожиданно всем понравившегося. «А я три плитки выложил в Энске, когда вес облегчал», – сознался он сокрушенно. «Вот, Саша, не тот вы вес облегчали, лучше бы одежды набирали поменьше, а шоколад взяли! – наставительно отчитала его Регина. – А то тут местный шоколад какой-то невкусный, говорят». – «Да ничего, Регина, – утешил он ее. – Еще плитка есть в заначке».

Дождь кончился, и они засобирались – поменять деньги, проведать велосипеды, мокшие на балконе, переодеться. Через полчаса вышли вчетвером, попрощавшись с Фарковскими. Леонид спал, отвернувшись к стене, Татьяна махнула рукой: «Пока!»

Хостел был зажат между лавочками в арабском квартале в сотне метров от стены Старого города. Прыгая через лужи, они пересекли площадь и вышли к воротам. Там у мостика, перекрытого археологами, их ждала худенькая, даже, казалось, миниатюрная Инна, их экскурсовод.

Познакомились. Инна уехала из России лет семь назад, по образованию филолог, экскурсии по Израилу водит уже много лет. Живет с семьей в Иерусалиме. Алексей нашел ее по интернету, она надеется, что не разочарует их рассказом и показом.

«Инна, вы вчера Алексею про восемь часов говорили? Не надо восемь, это многовато для нас. Давайте часов в пять уложимся?» – сразу вступила в переговоры Регина.

У Инны на лице мелькнула гамма чувств, которые она быстренько сгладила деловитой улыбкой из разряда «клиент всегда прав». Столковались на том, что попытаемся уложиться покороче, «ну, а там решим». Вышли к ближайшим воротам Старого города, Дамасским, где Инна начала свой рассказ. Он слушал... да нет, он просто впитывал в себя этот неторопливый, журчащий, как ручеек, голос, и вся история этого города, уходящего вглубь, под стену, складывалась в нем, как здание из кубиков, как камни этой стены – ровные сверху, в относительно недавнем мусульманском периоде, немного потертые и помеченные мальтийскими крестами в эпоху крестоносцев, и грубоватые и не очень ровные грани античного периода, выглядывающие откуда-то снизу. Они шли по узким улочкам, вышли на Виа Долороса, «Путь Скорби»,

по которому вели Христа на казнь. Его оттерли от Инны дружные плечи Алексея и Регины, он оказался во втором ряду, рядом с Богомилой, которая тоже, как замороженная, тянула шею вперед, ловя тихий голос Инны, и он вдруг впервые с удивлением поймал себя на мысли, что они двое словно отражаются друг в друге, когда слушают Инну, а с Инной – слушают сам город.

Шли они по местам стояний Иисуса – традиционный паломнический маршрут, который Инна рассказывала весьма нетрадиционно. Она не давила на эмоции, не говорила: «Вот, здесь...» или «В этом месте...». «Все, что мы с вами видим сейчас, – это остатки, в лучшем случае, Элия Капитолина, города, построенного на месте Иерусалима Иисуса. Когда римляне разрушили Иерусалим, они возвели здесь другой город, с другой сеткой дорог, с главной улицей, ориентированной на Рим. И Виа Долороса – это явление скорее культурное, чем историческое. Будем помнить, что мы идем с вами по Элия Капитолина, а под нами, на глубине от трех до девяти метров, находится евангельский культурный слой. Ради исторической честности не стоит забывать об этом...»

«...На Виа Долороса мы, более-менее, можем, быть уверены только в начальной точке, где был суд над Иисусом, и в конечной, куда мы придем с вами в завершение нашего пути, на Голгофу, где, считается, находилась и гробница Иисуса. Но даже это проблематично. Вопросов больше, чем ответов: кресты тогда частоколом окружали Иерусалим...»

«...Сами остановки, по которым мы пройдем, это тоже смесь евангельских событий, легенд, преданий времен крестоносцев... Сейчас их четырнадцать, но раньше число этих остановок менялось на протяжении веков от семи до двадцати одной. То, что принято сейчас – это канон, установившийся в шестнадцатом веке».

«...Что было точно – так это постановка спектакля казни, как римские режиссеры обставляли распятие, как вели преступников к месту казни. Нужно было унижить приговоренного, вывалить его в ненависти толпы ко вчерашнему лидеру. Люди ведь всегда срывают злость на тех, кому они доверяли, но кто, в итоге, оказался бессилем им помочь».

Все было продумано: крест привязывали к спине, и, чтобы не задохнуться, чтобы веревка не раздробила гортань, нужно было очень низко согнуться и держать вторую перекладину креста двумя руками, заведенными за спину. Унизительная поза, нет возможности защитить лицо, в которое летят плевки и несутся оскорбления...»

Они шли от стояния к стоянию, и храмы, возведенные на каждой остановке, сливались в один сплошной храм. Он всматривался в иконы и статуи, в следы на камне, в оставленные на стенах и на полу поля для игры в кости, в мальтийские кресты освободителей Святой земли. Иногда он соскакивал с гипнотического голоса Инны и пытался услышать эти камни, эти толстые уродливые оливковые деревья, росшие здесь не одну сотню лет, он трогал руками стены церквей, но они молчали. И он подумал тогда: «Кого оставил Бог без внимания: эти камни... или меня? Если Он не в этих камнях и деревьях, не в этой мостовой, то что делают здесь все эти люди, приехавшие ото всюду? Что делаем здесь мы?»

Они миновали триумфальную арку императора Адриана, камень со следом, напоминающим ладонь, – место, где Симон Кириинеянин взял на себя крест Иисуса, место, где святая Вероника утерла Спасителю лицо своим платком.

Кругом толпились люди, молились, пели, торговались, и он снова задумался о тех, кто ехал сюда специально, чтобы услышать Бога, ибо где Его слышать, как не здесь? И где Он лучше услышит нас? Как все это... по-детски, что ли. Целый город детей. А он? Чем он лучше? Для чего он приехал сюда, разве втайне он не думал, что именно здесь он получит ответы на все свои вопросы, которые возникали в его голове при чтении всяких умных книжек? Разве он не чувствовал себя здесь немножко посетителем Зоны из «Сталкера»? Он представил Инну в роли Рэдрика Шухарта и рассмеялся. На него недоуменно обернулась Регина, и все философическое настроение сползло, как кожура с банана. «Будем лопать пустоту! – бодро сказал он, заставив регинины светлые брови взлететь еще выше. – Так, вспомнил одного забытого поэта...» Инна

странно взглянула на него: «Вы филолог? Знаете Бурлюка?» Он пожал плечами, она кивнула и повела их к Львиным воротам...

Тормознули у купальни Вифезда. Алексей и Регина не пожелали платить за вход на территорию раскопок, и пошли они с Богомилой. Инну пропустили бесплатно. Заглянули в католическую базилику святой Анны, матери Девы Марии, здание, сохранившееся со времени крестоносцев («Построено в 1142 году при поддержке королевы Мелисанды» – услышали они за спиной Иннин голос), а вот на купальне зависли. Разглядывали все этим многоуровневые сооружения, слушали Инну, потом пробежались по всем этим лестницам, заглядывая в закутки, где когда-то стояла вода, находились крытые ходы, лежали больные, ждущие «возмущения воды». «Представляешь, – говорил он задумчиво, спускаясь на самый нижний ярус, – где-то тут Иисус сказал бедному паралитику, лежащему тридцать восемь лет: что же ты не спускаешься в воду, когда туда сходит ангел? А тот: да я бы и рад, а только кто-то всегда раньше меня успеваешь...» – «Да-да! – засмеялась Богомила. – Возьми свою постель и ходи!» Она ткнула палочкой, что вертела в руках, ему в грудь, и он поднял руки: «Все, сдаюсь! Беру свою постель и хожу! А ты неплохо знаешь евангелие...» – «Были учителя, – поскущнула она лицом, отвернувшись. – Идем наверх?»

Догнали всех, вышли за ворота, к Гефсимании. Там их встречала помпезная «Церковь всех наций», с камнем, где Иисус молился перед арестом. Он погладил молчаливый камень, вышел из сумеречного зала, вдохнул свежего воздуха. Вечные темы – вот что привлекает сюда людей, подумал он. Не только поиск чудес и откровений, но и вечные темы. Предательство, оставленность, одиночество, страдание... Все мы проходим через это и всем нам хочется какого-то эталона. Чтобы сравнить. Чтобы хоть так переложить их на кого-то еще.

Шли мимо старого кладбища, где до сих пор хоронили тех, кто мог себе это позволить («Иосиф Кобзон, по сплетням таблоидов, купил себе здесь участок за три миллиона долларов» – услышал он Инну), часть оскверненных в последнюю интифаду могил до сих пор восстанавливали, потом пошло старое кладбище с гробницей Авессалома, сына Давида («Между нами, археологи говорят, что этому склепу немного меньше лет, чем приписывается»), где-то тут же были гробницы пророков Аггея, Малахии и Захарии. Наверху, над частью кладбища, нависал арабский квартал. («Во время интифады Аль-Акса, в двухтысячном, тут был грандиозный погром. Потом плиты с этого кладбища собирали чуть ли не со всего Иерусалима, арабы мостили ими дворы...»)

Прошли в еврейскую часть Старого города, разделились на два ручейка – женский и мужской, текущие через рамки металлодетектора. Он выгреб из кармана всю мелочь, снял часы, положил телефон, прошел мимо не улыбочивого то ли полицейского, то ли военного. На площади перед Стеной Плача соединились, правда, ненадолго. Инна говорила об истории Стены, махала рукой наверх, где спрятался купол мечети, занимавшей место разрушенного иерусалимского храма, он не особо слушал, это были вещи ему известные. Словил волну Инниного рассказа только когда она сказала, чтобы они были осторожны в выборе просьб: «Можете относиться к этому как хотите, но считается, что это такое особое место, где Бог слышит наше сердце». И рассказала им классическую историю про женщину, пожелавшую чаще видеть внучку, а через некоторое время – раз! – и ее дочка умерла, пришлось забрать внучку к себе, теперь видит ее каждый день. Он ухмыльнулся, кивая зачётной байке-страшилке, сам такие же рассказывает у себя в походах, Инна пожалала плечами и развела руки в стороны, мол, за что купила... «Я не пойду, – сказал Алексей просто. – Вы идите, а я здесь погуляю». – «Я тоже, – сказала Инна. – Находилась уже».

Стена тоже делилась на «женскую» и «мужскую», он махнул рукой Регине и Богомиле и пошел в свою сторону. Шел и думал: неужели он и тут купится на возможность чуда? Ха, как смешно! Вокруг него бурлили водовороты молитвенной жизни, какой-то, явно с похмелюги,

молодой еврей неортодоксальной наружности, в светлых пиджаке и шляпе, хрипло и надрывно пел под гармонику, закатывая глаза, вокруг него хлопала толпа, ближе к стене раскачивались в молитвах уже классические хасиды – шляпы, пейсы, молитвенные платки...

Он подходил к стене, и его саркастическая решимость падала, как столбик термометра на морозе, внутрь словно заползал страх быть услышанным, узнанным. Он вглядывался в камни, утыканные молитвенными записками, словно пытался там разглядеть горящее «текел»: «ты взвешен на весах и найден очень легким», но камни были серыми, неровными и молчаливыми. Он закрыл глаза, тронул поверхность стены, как и до этого трогал стены, камни, колонны. Молитва вдруг всплыла в его сознании спонтанно, будто поднялась откуда-то снизу: «Да будет воля Твоя...» Как удобно, подумал он, как благочестиво-то! А что там, в твоём сердце на самом деле? Что прячет оно даже от тебя? Он снова вспомнил «Пикник на обочине», усмехнулся с закрытыми глазами, продолжая гладить стену. «Стена исполнения желаний!» Стругацким бы понравилось. Но снизу все шла и шла эта фраза, как мантра: «Да будет воля Твоя, да будет воля Твоя, да бу...»

Он развернулся и пошел влево, в арочный проход, где стена исчезала под крышей синагоги и книжного хранилища. Там тоже шумели, читали, раскачивались, кто-то громко проповедовал, с верхнего яруса, с балкона кидали маленькие конфеты, которые собирала детвора. Он дошел до конца, стукнул в торец стены кулаком: «А твоя воля какая, Александр Иваныч? Что там прячется у тебя внутри?», развернулся и пошел к выходу, огибая молящихся. Он чувствовал себя усталым и выпотрошенным.

«А не съесть ли нам по шаурме? Уже пора, мне кажется...» – Алексей разрушил Иннину магию, и все вдруг стали принимать к ароматным запахам города, понимаю, что проголодались, начали вращать головами в поисках подходящей забегаловки. После третьей все решили, что хватит искать и устроились за столиками, куда молниеносно хозяин, толстый араб, наметал кучу маленьких тарелочек с салатами, принес чай, лепешки, а в конце – по тарелке с наструганным мясом и жареной картошкой. Инну опять-таки бесплатно напоили чаем, от еды она отказалась («Пост»). «Любят вас тут» – заметил Алексей, фотографируя стол для Инстаграмма. – «Так не вы первые, кто сюда заходит со мной», – улыбаясь, сказала она, попивая зеленый чай из большой фарфоровой чашки.

Оставался Храм Гроба Господня («Мне больше нравится его основное название – «Храм Воскресения», – сказала Инна), его проходили уже на выдохе, все устали, были невнимательны, терялись в толпах народа. В приделе «Трёх Марий» он присел на лавочку рядом с Богомилой, коротко глянул на нее: устала, но слушает внимательно, словно что-то пытается уловить в Инниной экскурсии. Посмотрел на модернистскую скульптуру встречи Марии и Елисаветы, заскучал, когда услышал краем уха про возможные семейные отношения Иисуса и Магдалины («Инна-Инна! Давайте только без Дэна Брауна?»), закрыл глаза, впуская в себя вновь ставшие уже привычными тут пустоту и молчание.

Все пошли, Богомила тронула его: «Что, спите, Александр Иваныч? Идем!». Он стяхнул с себя оцепенение, покорно встал, пошел дальше...

Когда Инна подвела их к небольшому окошку, за которым виднелась скала с трещиной и сказала обыденно: «Ну, а это, по преданию, трещина, возникшая в Голгофе сразу после смерти Сына Божьего на кресте. Видите, даже эта красная прожилка в разломе напоминает сбегавшую кровь. В евангелиях сказано, что после смерти Иисуса произошло землетрясение, вот, полагают, что это – следствие той катастрофы... – Она помолчала и добавила: Считают, что второе пришествие Христа будет сопровождаться таким же землетрясением, и именно в этом месте оно будет зафиксировано в первую очередь. Поэтому здесь стоят вот эти сейсмодатчики...»

Он почувствовал, как его руку вдруг обхватили чьи-то горячие пальцы, сдавили... Богомила. Она сжимала его руку и смотрела в окошко таким странным взглядом... нет, не фана-

тичным, отнюдь. В этом взгляде была какая-то жадность, жажда чуда, как у девочки, которой обещали настоящего Деда Мороза, а еще там была надежда, надежда на то, что всё не зря. Что – «всё», он не знал, но понимал, что видит то, чего видеть не должен был бы, проникает туда, где ему нельзя находиться. Он с трудом отвел взгляд, усмехнулся про себя: «Ну и Богомила! Какая она... эсхатологичная штучка!» Та, вдруг, словно очнулась, отпустила его руку, немного виновато улыбнулась, мол, прости... Он кивнул: все нормально. Бросил взгляд вправо-влево. На них никто не обращал внимания.

...С Инной попрощались тепло, поблагодарили за экскурсию и расстались. Через площадь виднелся их хостел, но идти туда вдруг расхотелось, несмотря на усталость. «А знаете что? – сказал он всем. – А давайте я куплю бутылку вина, и мы выпьем? Отметим начало нашего похода наконец».

Вино, по случаю праздников, нашли только у бутлегеров, в арабском квартале. Он взял бутылку, явно переплачивая, сунул в карман, подождал Алексея, покуповавшего бензин на заправке неподалеку.

В хостеле, вдавив пробку внутрь, разлил вино по стаканчикам, взятым с кухни, раздал всем, кроме махнувшего отрицательно Леонида: «Ну? Как-тут говорят по этому поводу? «Лехаим»?»

...Когда все занялись душем и укладыванием, он вышел на кухню, налил себе чаю, взял в руки телефон. Звонить не стал, дома было уже поздно, решил написать. Значок скайпа горел, значит жена не выключила комп. Задумался, стал набирать: «Привет, дорогая! Весь день бродил по Иерусалиму, экскурсия была отличная. У меня все ок. Завтра трогаемся дальше, позвоню тебе по скайпу, когда будет устойчивый интернет. Напиши, как у вас? Все норм? Я тут совсем потерялся во днях, не отличаю дни друг от друга, сплошные понедельники...» Он отправил, задумался, не написать ли еще чего, ах, да, про дочку младшую не спросил! Хлопнула дверь, скрипнул диван в коридоре.

«Сёмушка, привет! Как ты? Скучаешь? Я тоже. Дюже устала, замучилась тут. Да нет, с едой нормально». Певучий голос Богомилы резал слух. Он замер, боясь выдать себя. Как-то неприятно стало ему вдвойне, словно он специально тут подслушивал, это, во-первых. А, во-вторых, ему было неприятно, что этот голос так ласково говорит сейчас с другим мужчиной. Он взял себя за запястье, там, где она сегодня сжала его руку. Вот черт!

«Убежала Богомилка со своим Сёмушкой поболтать? – Регина шла из душа, не удержалась. – Пожалесь, пожалесь Семену своему, может он тебе поможет?» Он хрустнул пальцами, встал, спустился вниз. Похоже, это его работа тут – разряжать заряженное...

...Ночью ему приснился Старый город. Он шел по нему, мимо лавочек с сувенирами и благовониями, по узким улочкам и внезапным поворотам, шел по абсолютно пустому городу целеустремленно, словно пытался догнать кого-то. Кого? Кто там мелькал впереди, то возле угла какой-то старинной церкви, то у спуска, каменными ступенями уводящего вниз, к раскопкам старинной купальни? Никого не было в городе, только он и этот призрак, легкий, неуловимый, только-только отмечаемый краем глаза. Он бросался вперед, но, как бывает во сне, ноги вязко тормозили, как в воде, и он не успевал. Он протискивался в какие-то «игольные уши» узких каменных проходов, всматривался в сумрак подземных тюрем, бродил среди склепов старого кладбища, а фигурка впереди мелькала и исчезала, иногда оставляя за собой, как облачко пара, легкий смешок, такой знакомый, ужасно знакомый, что, казалось, нужно только чуть напрячься – и он вспомнит, кто это. Оставалось догонять, приняв эти правила игры, и он догонял. И когда он оказался возле Стены Плача, он остановился. Стена смотрела на него тысячами записок, воткнутых в щели между камнями, словно тысячами чужих глаз, и он, каза-

лось, слышал все эти желания, они жужжащим роем текли в него, и стена дрожала, как под напряжением, и он зажмурился и заткнул уши... и наступила тишина. И в этой тишине, куда не проникало даже это его «Да будет воля Твоя», он почувствовал, что рядом с ним стоит кто-то, тот, кого он догонял всю эту дорогу по городу, стоит, смотрит на него, сдерживая улыбку, и вот-вот его рука коснется его плеча, а ухо защекочет такой знакомый шепот: «Олександр Ивановичу, ну що ви таке повільне і нерозторопний?»

...Алексей скрипнул двухъярусным «вертолетом», спускаясь, и он открыл глаза, сел и стукнулся головой о верхнюю перекладину. «Доброе утро! Встаем, собираемся и – на завтрак. Выезжаем через два часа!»

Начался новый день.

День пятый: Иерусалим – Вифлеем – монастырь Мар Саба – Иудейская пустыня – Мертвое море, дистанция 67 км

...Граница встала перед ними неожиданно и во всем своем пугающем величии – здоровенные, до восьми метров металлические параллелепипеды, состыкованные не в размер, вились бесконечной змеей вправо и влево. Вдоль забора тянулась «линия отчуждения», как и положено, с опашкой и проволокой. Они остановились у бордюра дороги, собрались вместе.

«Проезжаем сейчас КПП, будьте готовы, если решат проверить вещи, – сказал Алексей немного напряженно. – В прошлый раз пропустили спокойно».

Они медленно подкатили к воротам, распахнутым настежь, солдат в шлеме и с автоматом нетерпеливо махнул им рукой, когда Алексей принялся ему что-то объяснять – проезжайте, мол. Проезжая последним, он махнул рукой пограничнику и вкатился на территорию Палестинской автономии. Они снова собрались, метрах ста от стены, у дороги, обернулись, обозревая её уже с другой стороны. Алексей, ухмыляясь, фотографировал их растерянные лица на фоне разделительного барьера. «Ну, добро пожаловать в Палестину! – сказал он, убирая телефон в карман велосумки на руле. – Ехать советую кучно, не отставать, на провокации не поддаваться!» – «Шоо? – протянула Регина. – Какие еще провокации?» – «Ну, в прошлый раз, когда мы тут ехали, нас обкидали камнями. Так что будьте осторожны». – «Хорошо, что не обстреляли. И в заложники не взяли». – «Та ну тебя, Сашко, наговоришь сейчас! – махнула рукой сбита с толку Регина. – Ты еще гарэмом нас напугай! – и покосилась в сторону Богомилы, прямо облизав взглядом ее высокую фигуру в обтягивающей майке и велошортах. – Може, как-то приоденемся?» – «Та проскочим!» – Алексей запрыгнул на седло и задал темп.

...Фарковских они оставили в иерусалимском хостеле, договорившись еще с вечера, что встретятся с ними в Эйн Бокеке – городке на Мертвом море, где у них была запланирована дневка. «Послезавтра мы там будем к вечеру, спишемся в вайбере, – сказал Алексей, и Татьяна кивнула, поджав губы. – Вы в палатке будете?» – уточнил Алексей. – «Нет, мы уже там забронировали отель, – ответила Татьяна, озабоченно поглядывая на спящего мужа. – Отдохнем, доедем на автобусе и вас подождем». – «Ну ок, – Алексей кивнул на горку продуктов на пустой кровати – Это ваше. Ну, в расчете на вас. Не будете есть – выбросите» И вышел в коридор. Было странно видеть обычно спокойного начальника раздосадованным. «Ну а кого собой планов приводит в хорошее расположение?» – подумал он, и, сочувственно кивнув Татьяне, вышел следом. Остальные уже ждали у входа в хостел, присматривая за их велосипедами. Было свежо, ночью опять пролил дождик, и он порадовался тому, что приоделся потеплее. Из города выскочили быстро, не в пример, как в него входили...

...Вифлеем петлял спусками и подъемами, на последних он закусывал губу и выжимал на пониженной из своих ног все, что мог, чтобы не отставать. Мелькали магазины с вывесками на арабском, вдали виднелись колокольни с крестами, проехали мечеть. Город изогнулся чашей, и он увидел впереди большую стену с крестом. «Базилика Рождества, можно погулять полчаса, – сказал Алексей, ставя велосипед к стене. – По очереди».

Прежде, чем они попали в храм, их встретил огромный Георгий Победоносец с неизменно пронизываемым змеем. Рядом был туалет, где он скинул уже неактуальный термик, сунул в рюкзак. Вышли во двор церкви. Первое, что он увидел, был рождественский вертеп в натуральную величину. Деревянные фигуры казались от натуральности восковыми, овцы будто дремали и были готовы вскинуть свои ушастые головы, а традиционный колорит ясель с Младенцем, Марией, прикрывающей Его пеленкой, Иосифом, стоящим за ее спиной, пастухом на коленях и волхвами в цветастых халатах, сбивала с толку стоящая рядом с Марией женская фигура в одежде вполне себе европейской – передник, шаль на плечах. Он хмыкнул, сфотографировал, пошел внутрь.

Церковь была огромной, с разными приделами, но изначально он попал в главный зал, где только что завершилась служба. Последний куплет «Тихой ночи», непривычно звучащий посреди весны, он прослушал, прикрыв глаза. Красиво поют... Он сосредоточился на тишине внутри себя, пытаясь, как и вчера, в храме Гроба Господня, вызвать в себе молитву, поток слов, что обычно, после минуты тишины, начинал идти в его голове, но тишина гулко отдавала пустотой и эхом этого огромного зала. Ни Иерусалим вчера, ни Вифлеем сегодня не отзывались в нем никак...

Алексей тронул его за рукав: «Там, если направо повернуть, можно посмотреть на пещеру, где родился Христос. Идем?» Он покорно кивнул, они спустились по ступеням вниз, в небольшой зал, где сильно пахло ладаном и была очередь. Алексей махнул рукой и пошел дальше, а он, встав рядом с каким-то кардиналом в малиновой шапочке, вновь прикрыл глаза, ловя волну и не находя ничего. Спустился к знаменитой четырнадцатиконечной звезде, отмечая место, где стояли ясли, встал рядом с кардиналом, преклонив колено, тронул металл звезды. Теплый от множества рук металл не сказал ему ни слова.

Пора! Он вышел из храма, натянул велосипедный шлем. Алексей еще не пришел, Регина и Богомила смотрели в разные стороны как наэлектризованные. Он подошел к Богомиле, взял за руку: «Пойдешь?» И потянул обратно, в храм, сдёргивая шлем. Она пошла. Он провел ее по своему маршруту, подвел к ступеням со звездой. «Там, говорят была пещера Рождества, стояли ясли. Спустишься?» Очереди уже не было, но она замотала головой – нет, не пойдет. Почему? – удивился он про себя, но не спросил, взглянув ей в лицо. Что-то неуловимое промелькнуло там, как метеор в ночном небе, стирая все вопросы. Она развернулась и вышла в холл, он догнал ее возле Георгия Победоносца. «Сфотографирую?» Она встала к скульптуре, улыбнулась и вдруг опустила голову. «Пусть так, – сказала. – Возле змея». Он хотел пошутить, но осекся. Посмотрел на нее, как будто впервые. Стройная, в этих обтягивающих шортах и футболке, с большой грудью, которая ее не стесняла, в шлеме и перчатках, она походила на деву-воительницу, словно у Георгия появился вдруг конкурент. «Так отдай же, Георгий, знамя свое, серебряные стремяна...» – вспомнил он слова полузабытой песни. Воительница, но такая странная, с этим опущенным взглядом, с закушенной губой... Богомила улыбнулась, вскинув голову, он нажал на спуск.

...От базилики Рождества спустились в сам Вифлеем по крутым и извилистым улочкам. Вышли на финишную прямую из города, катили вдоль дороги и любовались свалкой, справа и слева. Ощутимо воняло помойкой. «Здравствуй, родина! – подумал он иронически. – Вот, значит, как породнилась Палестина с Россией?» Дорога шла слегка с подъемом, он поднажал, догоняя Богомилу, колени заныли. Их обступили гаражи, какие-то станции техобслуживания и магазинчики. Отовсюду выглядывали молодые здоровые мужики, задумчиво провожая взглядом Богомилину фигурку. Та беспечно крутила педалями не замечая ничего. «Ох-хо-хо...» – озабоченно подумал он. Для полноты ностальгической картины не хватало только этого характерного: «Дэвушка, а дэвушка! Как тэбе зовут? Хочещь, ми тэбя шашликом угостим, а?»

Гаражи миновали, он выдохнул. Ну, в заложники не взяли, в гарем никого не забрали...

Из дома, мимо которого он проезжал, вышла молодая женщина, вся укутанная с головы до ног, сдвинула платок с лица, улыбнулась, махнула ему рукой несмело. Он успел заметить конопушки и славянские черты лица. Родина не оставляла...

Потом, уже совсем на выезде, когда за последней улицей уже придвинулась к ним пустыня, на дорогу выскочил какой-то арабский пацан, лет шести, вскинул руку, стал стрелять в них из пальца, норовя подставиться под колесо. Его объезжали хохоча, а он даже крикнул что-то про то, что подвергся атаке от малолетнего террориста.

Прощай, Вифлеем! Ты не заговорил в базилике Рождества, так хоть провожаешь мальчишкой, стреляющим в тебя из пальца. Может, пустыня скажет тебе что-то?

Затяжной подъем вознаградила серпантинном-спуском, где он опять всех обогнал, тяжелой пулей с трудом вписываясь в повороты. На хрустящей камнями площадке на краю обрыва серпантинной дуги стояло три огромных автобуса. Он тормознул, подъехал к краю. Внизу, куда ни глянь, простиралась желто-серая пустыня с редкими крапинками зеленых кустов. Холмы, ущелья – и черная лента дороги, снова забиравшая вверх. Ох-хо-хо... Он вернулся к асфальту (как он тут не тает на этой жаре, что за технологии?), толкнулся ногой, набирая скорость, вошел в вираж, снова обгоняя Богомилу, Регину, Алексея, на инерции вкатился аж на треть подъема, потом соскочил, повел велосипед за руль... На перевале увидел, чуть внизу, край каменного строения. Проехав дальше, присвистнул. Каменная стена оказалась частью здорового монастырского комплекса, вписанного в край каньона.

«Приехали на обед! – махнул рукой Алексей. – Спускаемся ко главному входу, вон туда!» У ворот, где они спешили, было уютное местечко, затененное редкими деревцами – несколько столиков, вытесанных из камня, каменные же блоки вместо лавочек. Алексей занялся обедом, попутно извлекая из себя сведения об этом месте.

Монастырь, а точнее – лавра святого Саввы, вел свой отсчет чуть ли не с начала монашеского движения – с пятого века. Савва стал монахом еще в детские годы, а по достижении восемнадцати ушел из своей Каппадокии (туда мы, кстати, тоже велопоход делаем, это по турецкому побережью – ввернул рекламу Алексей), так вот, ушел Савва сюда, в Святую землю, и был в послушании у Евфимия Великого. А потом ему явился ангел и повелел создать тут, в Иосифатской долине Иудейской пустыни, свое монашеское братство. С тех пор тут и живут монахи. В эпоху расцвета лавры, под конец его жизни и после его кончины, тут жило около пяти тысяч монахов, а вся эта Иудейская пустыня была заселена семьюдесятью монастырями, где жило около пятнадцати тысяч человек.

«Да, оживленно здесь было», – подумал он, доставая очередную палку колбасы из своего рюкзака и протягивая ее Регине, готовой к приготовлению бутербродов.

«А внутрь мы зайдём?» – спросила Богомила, прячась в тень чахлого деревца и вглядываясь в толпу паломников, высыпавших из автобуса, стоявшего на верхней площадке. Вся эта лава двигалась вниз, к воротам, распахнутым настежь. Из ворот уже спешил навстречу толпе какой-то монах.

«Та ні, це ж чоловічий монастир, – перешел на мову Алексей и, оторвавшись от готовки почему-то подмигнул ему. – Вот мы с Сашей сходим туда, посмотрим, заодно и водички наберем. Тут, говорят, источник святой воды, единственный на всю округу»

«Как всегда – сексизм и мужской шовинизм», – делано дернула головой Богомила, а Регина ее неожиданно поддержала: «Так и есть! Шо, нас вообще туда не пустят, даже заглянуть?» – «Попробуйте, – усмехнулся Алексей. – Только за последствия я не отвечаю».

Регина оставила нарезанную колбасу и шагнула в толпу паломников, которая уже сгруппировалась вокруг вышедшего монаха. Тот что-то громко говорил на непонятном языке, потом начал благословлять, а от ворот, закрытых уже народом, послышался резкий окрик. Богомила прыснула в кулак, Алексей философски прокомментировал: «Поймали Регину. Сейчас арестуют».

Спустя несколько минут, когда толпа подрассосалась по окрестностям, женщины ушли фотографировать, а мужчин увели внутрь, появилась Регина в сопровождении монаха, руки их были заняты бумажными стаканчиками с кофе. «Ух ты! – удивился Алексей. – С добычей? И камнями не побили?» – «Благослови вас Бог! – неожиданно по-русски сказал монах, протягивая кофе из-за каменного заборчика. – И приятного аппетита! – добавил он, стрельнув глазами на наломанный хлеб и нарезанную колбасу. – Великий Пост, но вы же странники? Путешествуете издалека?» – «Из Тель-Авива, отец, – кивнул, благодаря и принимая стаканчики Алексей. – Движемся сейчас через пустыню в Мертвому морю, а оттуда – в Эйлат». – «Далекий

путь... – покачал головой монах. – Ну, храни вас Господь! Вы двое, если захотите, проходите внутрь, как покушаете». И ушел, не дожидаясь ответа.

Пока обедали, Регина поведала, что паломники – из Румынии, их мову она малость разумеет, и к ним выходил благословлять румынский монах, и что финиковое дерево, что растет внутри, помогает от бесплодия, листочки надо заваривать и пить...

Богомила фыркнула, но сдержалась от комментариев, но Регина все равно обиделась и замолчала.

После обеда решили размяться – Регина пошла прогуляться по окрестностям, Алексей решил спуститься в ущелье по тропе, а он, упаковывая рюкзак, так и не мог решить – подремать ему в тенике или тоже пройтись.

«Идите уже, Александр Иванович, я присмотрю», – махнула ему из тени Богомила, в своих темных «стрекозых» очках. Он благодарно кивнул, натянул козырек на нос и пошел по тропе. Та забирала вверх не круто, и он подумал о поколениях монахов, ходивших здесь и натоптавших эти дорожки. Вышел к развалинам то ли башни, то ли часовни, стоявшей на краю каньона, глянул вниз и замер. Весь разлом, насколько хватало глаз, был покрыт гротами, многие из которых когда-то были явно жилыми. Внизу, так далеко, что не было слышно ни звука, кипел поток Кедрон. Где-то там, у нижних пещер пробиралась фигурка Алексея, отблескивал на солнце объектив. Он присел на камень на самом краю обрыва, дождался движения воздуха, прикрыл глаза...

Более пятнадцати сотен лет здесь жили монахи. Когда-то святой Савва беседовал тут с ангелом. Что бы сказали сейчас о человеке, который беседует с ангелами? Он усмехнулся, чуть приоткрыл глаза, рассматривая пустые гроты. Смог бы он вот так? Жить здесь, в этой пустыне, питаться раз в день подношениями и водой из реки и ждать. А чего? Чего ждали они тут, о чем молились в своих пещерах? Что изменили они своими жизнями в истории этой земли, мира? В своей собственной? Слышали ли они небеса, когда выходили сюда, на край пропасти? Отвечали ли им камни ущелья, когда они ложились спать там, в своих гротах? Может быть здесь, а не в людном шумном Иерусалиме, здесь, в этой раскаленной печи, в дыхании тихого ветра Бог что-то говорил им?

Нет, подумал он снова о себе, он бы не смог так жить тут. Ни тогда, ни сейчас в этом монастыре. Потому что он – человек действия. Он движется вперед, к цели, к результату. Только вот последние пару лет и цель, и результат как бы выпали из фокуса его зрения. Словно сбилась настройка его камеры, и он уже не уверен в том, что правильно шагает. Словно облачко маячило впереди, мешая разглядеть финиш, будто катаракта поразила вдруг оба его глаза. Почему он почти без раздумий поехал сюда? Разве не для того, чтобы настроить этот фокус снова? Разве не этого он подспудно ждал в Иерусалиме вчера, да и сегодня – в Вифлееме и тут, в пустыне?

«А не затянулся ли у вас, Александр Иваныч, кризис среднего возраста, плавно перешедший в кризис вообще возраста? – ехидно спросил он сам у себя, снова прикрывая глаза. – Вот, живи, как все, как... ну, хоть как Регина живет – просто, ясно, незамутненно. Так ведь ты ж так не можешь, интеллигент паршивый. Всё тебе сложности подавай, миссию, предназначение, Раскольников недоделанный. Не пошел бы в священники, кем бы стал? Старушек бы точно не убивал, учителем русского бы точно не работал, а что бы делал? Что ты можешь еще, мужик? Крутить педали, таскать рюкзак, забираться на горные кручи? Ах, да, твои таланты – проповеди говорить овцам Христова стада в сонном Сонске и окрестностях! Вот и все. Почти двадцать лет оттрубил священником, даже не задумывался о том, что детям оставит, если что. Ни дома, ни сбережений, «как у людей», церковная квартира, церковная одежда, пожертвования, которых хватало ровно на жизнь семьи, да и как хватало? Группы водить в горы начал не только потому, что нравилось это – путешествовать, это еще и копейку приносило. Что впереди? Так хоть бы маленький знак, что все не зря, что впереди – не стагнация и алыггеймер,

хоть не роса на шерсти, как у Гедеона, не ангел, как у Саввы, хоть что-то, хоть намек, хоть шепоток, хоть ветерок...»

Ветерка не было. Была сухая, как в сауне, жара, камни, пахнувшие камнями, и прекрасный вид на каньон, где ему не жить никогда. Он усмехнулся. Молчишь? Ну, а чего ожидать рациональному филологическому уму в этой земле? По большому счету, что у него есть? Да все, что надо. Служение, придающее смысл и дающее кусок хлеба. Детские лагеря, которые он делает, делает каждый год, видя, как дети приезжают одни, а уезжают – другие. Семья, которой уже тридцать лет. Тридцать лет, Карл! Трое уже выросли, одна почти на выданье, жена, которая терпит его столько времени. А задумаешься – устал он. Устал сидеть в приходах, говоря проповеди одинаковым прихожанам, разбирая их одинаковые нужды, устал от лагерей и от детей и даже, страшно сказать, устал от семьи, в которой за последние лет пять, а может, и десять, все выветрилось, выдохлось, как газ из шампанского, а то, что осталось – что? Долг и привычка?

Он сильно потер лицо рукой, до боли в обгоревшем носу. Встал. «Сеанс психотерапии закончен, святой отец. Психотерапевт не пришел...» Сделав несколько снимков ущелья, он начал спускаться к воротам.

...Внутри, в самой лавре было прохладно от тени близкорасположенных стен. Их провели по территории, показали вход в монастырскую костницу, где всех монахов укладывали по смерти на лавки, рассказали, как латиняне в 1965 году вернули мощи святого Саввы и после этого финиковое дерево, то, что лечит от бесплодия, вновь расцвело, дало ростки со старого корня. Они слушали русского монаха, приехавшего сюда откуда-то из-под Рязани и соскучившегося, видимо, по беседе на родном русском, потом набрали воды из святого источника, открыв краник, попрощались со словоохотливым сородичем, который их охотно благословил в путь, и вышли вновь в жару. Монаху он ничего не сказал о себе, хотел было, но смолчал, подумал: «Зачем?»

Богомила все в той же тени и на той же лавочке общалась с молодым румыном, который поблескивал на нее маслянистым глазом и старательно отвечал на ее вопросы на школьном английском. Регина уже извелась под деревцами, вертя в руках яркий красный шлем, и очень обрадовалась их возвращению: «Ну, наконец-то! Давайте уже поедем, сколько можно отдыхать? Оставляем Богомилку тут, она, похоже, уже присмотрела себе партию, и едем!» Богомила лениво усмехнулась, потянулась картинно, демонстрируя всю свою фигуру, ласково проворковала: «Завидуете, Регина Петровна?» – «Та чему тут завидовать, тьфу! Нашла мужика, тоже мне. Сублильный, як... мой велосипед. Прости Тошик... – она погладила раму своего яркого велосипеда, перекинула ногу. – Едем?»

Пустыня обрушилась на них жарой, к которой они почти привыкли, и плохой дорогой, от которой они уже отвыкли. Каменистая грунтовка сначала вела их вдоль каньона, иногда опасно прижимаясь к его краю, потом спустилась вниз, к мостику через Кедрон, и он понял, почему они набирали воду в монастыре – река была забита мусором: корягами, тряпками, пластиковыми бутылками... От всего этого еще и ужасно воняло, и они поспешили проскочить это место поскорее.

Уходя вверх, в холмы, дорога становилась все хуже – промоины, то по центру, то сбоку, камни, крутой угол подъема... Алексей скрылся наверху, Регина на легком велосипеде тоже ушла вперед, он, закусив губу, толкал свой тяжелый велосипед в гору и уже не думал о голосах и предназначении. В голове билась только одна мысль – подняться и отдохнуть. Потом пришла вторая – он не шел замыкающим. Как там Богомила? Обернулся, но поворот дороги не давал ему ничего увидеть. Ладно. Сейчас – вверх, вон перевал, уже совсем недалеко. Там он оставит велосипед и спустится.

Так и сделал. Аккуратно, чтобы не повредить навеску, прислонил рюкзак, прикрепленный к багажнику резинками, к большому камню, развернулся, трусцой побежал вниз. Удивительно, как легко, когда ты подчиняешься законам всемирного тяготения, мелькнуло в его голове. За вторым поворотом он увидел Богомилу. Она стояла, опершись руками на руль, отдыхала. Глаз ее за черными очками видно не было, но они явно не смеялись. Увидела его, махнула рукой устало. Он подбежал.

«Скачете, як гірський козел, Олександрє Івановичу!» Улыбка тронула губы, глаза были непроницаемо скрыты очками. – «А за козла ответите, Богомила Олегівна!», – нашелся он, отобрал мягко велосипед, потолкал в гору. Она взялась за сумку сзади, стала подталкивать, сразу ощутимо полегчало.

На перевале, она попросила: «Давайте отдохнем? Что мы, лосики, как они, чи шо?» Он не возражал, они уселись на камень, спина к спине, оперлись друг на друга.

«Не знаю я, – словно продолжила Богомила какой-то свой внутренний монолог, – как так можно все организовывать? Ну, чтобы на пределе сил, на последнем издыхании! Вы же на Фарковских гляньте, Александр, они ж раскатанные были какие, шоссейники, скорость как держали, а что-то – раз! – и сломалось. И шо?» – «Шо?» – в тон ей откликнулся он. «Да они сошли, потому что – где тонко, там и рвется! А окажись они тут? Нет, ну подумайте! Вот на этой дороге, с их велосипедами трассовыми – шо б они делали тут? Несли их на себе?» – «Устала ты, Богомила, – сказал он примирительно. – Отдохнешь, выспишься – и все по-другому глянется. И все эти горы, – он обвел рукой бесконечные холмы вокруг, – покажутся приключением». – «Та ни, Саша, – горячо возразила вдруг Богомила, оторвала спину, развернулась к нему лицом, стаскивая с лица очки. – Нельзя так людей подставлять. Приглашать в Израиль за двести баксов, и предлагать им тут экстрим. А где было сказано, шо мы тут будем пахать от утра и до темноты, и падать, как убитые? Подбирать надо было группу тогда. Подробно писать об этом. Ведь я жеж Алексея несколько раз спрашивала – трудно будет? Ведь не три дня, две недели пахать, а он – да нет, не тяжело, справимся!»

Его обжег ее взгляд, прямо брызжащий экспрессией, ее близость, вот так, плечом к плечу, ударила в голову, как хмель.

«Да, Богомила, это точно. Мне ведь тоже Алексей писал, что все в допуске, все по моим силам. А я позавчера на иерусалимском подъеме чуть не сдался. Я даже речь заготовил, мол, простите, люди велосипедные меня, немощного, но я лучше в хостеле покантуюсь. Хорошо, что не сказал».

Она внимательно посмотрела на него остывающим взглядом, и он рассмотрел ее глаза – голубые с зелеными крапинками. Или зеленые с примесью голубого?

«Серьезно? – сказала она. – Це правда, чи ви мене зараз втішає?» Он кивнул, от близости перехватило дыхание. «Ну вы даете! А я смотрела на вас и думала: вот жеж упорный человек, и ведь не сломается! А сама я думала именно то же, что и вы – остаться в Иерусалиме в хостеле. Вот была бы картина – хохотнула она, – если бы мы так сделали! Бедный Алексей остался бы с Региной и без палатки!» – «Ну, он и сейчас – с Региной и без палатки, – усмехнулся он. – А мы тут сидим».

Он встал, подал ей руку: «Едем?»

Проехали не очень далеко, за поворотом их ждали Алексей и Регина. Опять пошли спуски и подъемы, но тут Алексей решил уже не убегать далеко, закатив свой велосипед, он сбегал вниз, кидал, пробегая мимо него: «Нормально? Сам?», и мчался к Богомиле.

Холмы сошли в пустынную долину, какое-то время ехали по ровной дороге, потом путь им преградила река. Неширокая, метра два, мелкая, по голень максимум, но каменистая, быстрая и «дуже смердюча», как сказала Регина. Как и Кедрон, она была забита мусором, отложенным по ее берегам, которые они осматривали придирчиво, боясь проколоть колеса. Он и Алексей разошлись в стороны в поисках лучшего места для переправы, но лучше того брода, где

реку пересекала дорога, не нашли. Прыгали по камням, а он, последний, подавал им со своего берега велосипеда. Радовался, что не замочил ног, но вскоре оказалось, что зря, – дорога еще раз три преграждала им путь, тогда он плюнул и пошлепал вброд – «водяное охлаждение». Сразу вспомнилась его знакомая Катя, которая каждое утро, перед выходом на маршрут в горах, заходила в своих ботинках в горный ручей и уже всю дорогу потом шла спокойно, не обращая внимания на речки. «Ай, Катя-Катя, как же ты была права!» – пропел он, отчаянно фальшивя, ступая в холодную вонючую воду и придерживая вертлявый велик.

После бродов выехали в холмы, которые были не каменистые, а гладкие, словно облизанные огромным языком. Он сразу вспомнил предупреждение своего первого встречного русскоязычного израильтянина в аэропорту про потоки, в дождь уносящие в пустыне джипы, поехал, глянул на небо. Дождя явно не намечалось.

Дорога ощутимо пошла вниз, на одном из перевалов они собрались вместе, и Алексей показал на темную полосу впереди: «Видите? Вон там – Мертвое море!» – «Так нам туда?» – присвистнула Регина. – «Ни, це было бы дуже гарно. Нам туда не попасть, все дороги скоро пойдут вдоль моря, холмами. Мы выйдем где-то во-он там! – Алексей махнул рукой куда-то вправо. – Едем? Надо успевать до темноты!» Он успел заметить, как легко стартовала Регина, как Богомила поджала губы и словно проглотила какую-то реплику, он ободряюще улыбнулся ей и стартовал вниз, набирая разгон...

...Авария случилась вскоре после этого. Он пронесся один из гладких спусков, обогнул поперечную промоину, взлетел на следующий холм, сбрасывая передачи на ходу и отчаянно крутя ставшие быстрыми и легкими педали... Предательский хруст сзади он услышал вслед за ударом колеса велосипеда, идущего сзади («Промоина!» – подумал он), но продолжал крутить педали в горку, вершинка которой стремительно приближалась. Только там, наверху, он остановился, развернулся, глянул вниз.

Велосипед Богомилы лежал возле промоины, прямо между холмами, сама она стояла рядом, уперши руки в бедра, наклонившись над ним. Он оттолкнулся ногой, поехал к ней.

Все было плохо – прыгнув на промоине, велосипед принял удар на заднее колесо, а этого не выдержал багажник. Его упоры, крепившиеся к заднему треугольнику рамы, не выдержали и отломались. Багажник просто сел на колесо.

Он положил свой велосипед в стороне, подскочил к Богомиле: «Та как сама? Не ушиблась?» Она подняла на него большие глаза: «Що ж це таке, Саша?» Он взял ее за плечи, слегка встряхнул: «Эй, ты чего? Сейчас все наладим, не волнуйся! Главное, чтобы ты цела была» Она была цела. Слегка ушиблась, но это не в счет. Ее беспокоил багажник.

Собрали консилиум в лице Алексея и его. «Ну шо, будем мастерить из того шо есть», – философски заметил Алексей, и он пошел вытряхивать все свои запасы инструментов и запчастей. «Шо есть» оказалось огромное количество болтиков под шестигранник, которые Алексей выудил у себя, отломленные уши богомилиного багажника и его запасной тормозной диск, который сразу забраковали, не найдя ему применения. С велосипеда скинули сумку, сняли заднее колесо, чтоб не мешало, и теперь они стояли над перевернутым велосипедом, почесывая затылки. Богомила ходила кругами, порывалась что-то сказать, потом хлопала рукой по губам, отходила. Замирала, отвернувшись, стоя где-то вдали. «Вот-вот, лучше помолись, не лезь под руку», – нетактично заметила Регина, но Богомила, против обыкновения, промолчала.

Он гладил багажник, пытаясь на тактильном уровне что-то придумать, наткнулся пальцами на подножку, замер. «Алексей, смотри! Мы же можем разобрать эту штуку и использовать ее крепление для фиксации багажника!» Он стал тыкать шестигранником, объясняя идею, и Алексей просветлел лицом. «А шо? – сказал он. – Может сработать» – «И сработает!» – он стал откручивать подножку.

Потом они пилили слишком длинный болт его якобы алмазной пилой-«струной», пилу два раза порвали, болт отпилили, но он не хотел принимать на себя гайку. Тихо ругаясь, прогнали гайку, зажав болт в пассатижах, а потом обнаружили вполне подходящий болтик с его запасным «петухом». Переглянулись, рассмеялись. Дело пошло на лад, Богомила перестала ходить кругами, кусая губы, даже немного повеселела.

«Знаете, что самое смешное? – сказал он, затягивая последний болтик. – Когда Алексей прислал мне маршрутную книжку, ну, ее скан, чтобы на границе показать, если надо, я там обнаружил свои данные вот с такой надписью: «Олександр Иванович Черних, механік». Это было очень смешно, потому что из меня механик такой же, как из сибирского медведя балерина. Я никогда не разбираю велосипеды. Тем более, не собирал и не чинил. Самое сложное, что я сделал в жизни с велосипедом до этого – это я его разобрал и упаковал в чехол, согласно инструкции в Ютубе. Но сейчас я готов сказать: таки да, я – механик».

Все рассмеялись, а Богомила, подойдя сзади, положила руки ему на плечи, наклонилась: «Спасибо, Сашко!» Он нашелся: «Всё? Теперь мы на «ты»?» Она улыбнулась благодарно: «Давай!»

«Мало просишь, Саша! – тут же откликнулась Регина. – Пусть хоть посуду твою моет, что ли? Да и Алексея тоже!» Все опять засмеялись, но уже немного через силу.

«Сколько потеряли времени?» – повернулся он к Алексею. – «Почти два часа, – Алексей озабоченно посмотрел на солнце, неуклонно уходящее к горизонту. – Не успеем до темна».

...Они и не успели.

...Пока темнота не упала на них сверху черным ковром, они ехали рядом. Алексей с Региной, видимо, решили задать темп и ушли вперед, а они держались друг возле друга, ехали рядом, если позволяла дорога. Он молчал, а Богомилу как прорвало: она вдруг выплеснула на него все те вещи, что эти дни держала в себе: усталость, раздражение на Алексея, супер-раздражение на Регину, которая ее, похоже, совсем достала. Он слушал, кивал, давая возможность выговориться, а она, найдя в нем благодарного слушателя, говорила и говорила...

«Я никогда еще не ездила в такие длинные походы без мужчины, – вдруг сказала она, поднимая на него свои странные, зелено-голубые глаза. – Ну, в смысле, так, чтобы рядом не было человека, который готов был бы взять на себя какие-то мои трудности, проблемы. А тут, с самого начала, с аэропорта, с этих дурацких банок, – она шлепнула в сердцах ладонью по сумке, притороченной сзади, – я чувствую себя совсем одной, экстремалкой, к которой предъявляются такие же требования, как ко всем... Впрочем, нет, совсем не так, не как ко всем, – вдруг разозлилась она, – вот, Регина едет себе налегке, еще и командует, а ее багаж тащит Алексей, а я – не Лёша и не Саша, я устаю быстрее, чем вы, я вовсе не стремилась в такой экстремальный поход...»

«Богомила, – сказал он, – послушай. Я же все вижу и понимаю. Да, тебе тяжело. Но уже не соскочишь отсюда. Уже идем до конца. А значит, без вариантов, я буду тебе помогать. Заберу часть еды, у меня как раз подъели какой-то объем. Еще чем-то помогу. Ты не думай, никаких предпочтений, просто так. Просто я так хочу. Ладно?»

Она промолчала, крутя педали, потом снова обожгла его взглядом и улыбнулась. «Ну вот, – повеселел и он. – Вот и прежняя Богомила вернулась. Кстати, давно хотел спросить тебя – что за имя такое странное – Богомила? Не расскажешь?» – «Очень вы оригинальны, Александр Иванович, – язвительно сказала Богомила. – Этот вопрос в топе вопросов ко мне ото всех, хоть чуть-чуть знакомых мужиков...» – «Ну, видишь, я был терпелив, – хмыкнул он примирительно. – Уже пятый день, а я только задаю этот вопрос. А мы что, опять на «вы»?» – «Та ни, это я так, сбиваюсь... Ладно, как-нибудь расскажу про Богомилу. Ничего, в общем особо интересного»

Они ехали и болтали до темноты, пока была различима дорога. Он узнал, что она не смотрит сериалы, не особенно любит стихи, читает классику. Поговорили про «Бесов» Достоевского, подискутировали про Кириллова из тех же «Бесов», он принялся убеждать ее, что самый лучший роман у Федор Михалыча – это «Преступление и наказание», что все его герои – одни и те же, и кочуют из романа в роман, а наиболее прописанные – все же там, в «Преступлении»...

По темноте, когда зажгли фонари, поняли, что ехать рядом уже не получится, он встал сзади, уже не разговаривали, сосредоточились на дороге. Так прошли часа два, те самые, что потратили на ремонт. Эти два часа с фонарями вымотали обоих, так что асфальт и КПП, знаменующий окончание Палестинской автономии, уже даже и не обрадовали. Катились молча рядом, светили на дорогу, молчали, иногда поглядывая друг на друга, на маячивших впереди Алексея и Регину, которым хватало света луны и выжимали из последних сил. Наконец, слева блеснул свинец Мертвого моря, Алексей стал искать поворот к стоянке с водой, сбился, они вернулись, потом проехали еще, потом свернули опять...

«Стойте здесь, ждите. Я сейчас», – Алексей тоже устал, но стоянку надо было найти, они встали на какой-то разрушенной фазенде, прислонили велосипеды к столбам, сами сели, как тогда на дороге, спиной к спине. Он молчал, чувствуя ее жар, впитанный за день, потом сказал осторожно: «Мы, наверное, как лампочки светимся в инфракрасном излучении», она хмыкнула, прислонила голову к его голове...

«Всё, не могу найти стоянку. Где-то мы ее проскочили. Становимся здесь. Завтра встанем, проедем километров двадцать до оазиса Эйн Геди, там наберем воды, позавтракаем», – Алексей был обескуражен, но деваться-то было куда?

Выбрали места под палатки, поставились, сцепили велосипеды. Открыли две банки сайры, но он отказался от еды, представив вкус этой соленой жижи из банки, от которой пить захочется еще больше, провел шершавым языком по губам и полез в палатку. Как там говорили викинги? «Кто спит, тот ест»? У него будет случай частный – «Кто спит, тот пьет». Он улегся, прислушиваясь к рыбном пиру за стенкой палатки, закрыл глаза – и тут же улетел в сон без сновидений, как в колодец...

День шестой: заброшенная фазенда на Мертвом море – оазис Эйн-Геди – крепость Масада – пляж города Эйн-Бокек, дистанция 54 км

Проснулись все как-то одновременно и очень рано – было около пяти часов, уже рассвело, от земли исходило тепло, заставляя его червячком выскользнуть из спальника и... Фуу! Носки, брошенные у входа, приобрели заскорузлый и причудливый вид, и от них ощутимо разило. Он сгреб их брезгливо, сложил, вспомнив анекдот про Василия Иваныча и сломанные носки, сунул в мешочек из своих последних запасов. С сомнением оглядел грязные ноги, торчащие из черного термобелья. Уж лучше так...

Обе палатки кряхтели и шевелились, словно собирались родить на свет Божий своих жителей. Он отбежал за полуразвалившийся навес из сухих пальмовых ветвей, облегчился, с удовольствием подставляя лицо с закрытыми глазами ветерку. А вот руки помыть... М-да. Огляделся, потягиваясь и зевая.

Метрах в двадцати от него простиралась глубокая извилистая трещина, широкая и страшная, как щербатый рот великана. Ого! Он подошел к краю, осторожно заглянул. Как глубоко! За этой трещиной шла еще одна, а дальше тяжело отблескивало море. Мертвое море... И не подойти отсюда, подумал он, снова заглянул в овраг. Так вот почему тут все заброшено! Хотели оборудовать, так все близко – море, дорога, а поди ж ты – стихия, ест берег море-то! Толкнул ногой камушки вниз, развернулся, пошел назад, огибая навес с твердыми, как кости доисторических животных, пальмовыми палками. Чуть в стороне заметил покосившиеся зонтики умершего пляжа.

Лагерь свернули удивительно быстро, про воду никто даже не заикнулся, только прополоскали во рту остатками из Богомилиной бутылочки-зачачки, прыгнули по седлам – и в путь, пока еще не начало припекать. Ехали, поглядывая на пустынный берег странного моря, от которого остро пахло чем-то непонятно-неопределимым, дорога шла почти ровно, без особых подъемов, что его порадовало. Еще должно было бы радовать отсутствие машин, но оно почему-то слегка напрягало, как будто они тут были совсем одни на много сотен километров. «Вот и нет, вчера же проезжали КПП», – вспомнил он и повеселел. Вскоре их обогнала легковушка, потом еще.

Заскочив на небольшой подъем, остановились возле смотровой площадки, нависающей над берегом, решили сфотографироваться на фоне Мертвого моря. «А меня сфотографируй», – попросила Богомила, протягивая ему телефон, он взял, отошел к дороге, навел.

Без темных очков, покрасневшая, она смотрела на него и улыбалась. Он замер, вдруг увидев ее такой... Такой... Он не мог подобрать определений, но вдруг понял, что безумно хочет ее. Вот такую – жаркую, с потрескавшимися губами, с длинными красными ногами... Черт...

Улыбка сползла с ее лица. «Эй, Александр Иваныч, ты чего это? Залип? Фотографируй давай!» И снова улыбнулась, безумно сочетая в себе насмешку и еще большую сексуальность. Он сфотографировал, отдал телефон, немного задержав его в руках. Она фыркнула, стрельнула глазами в сторону Регины, кругами едущей по площадке, запрыгнула в седло...

Через десять километров впереди показались пальмы и строения – подъезжали к оазису Эйн Геди.

...На большой тенистой площадке, за несколькими автобусами, располагался огромный купол, укрытый пальмовыми ветвями, рядом находились кафешка, туалет и вход в какой-то то ли заказник, то ли национальный парк, судя по карте на стенде – здоровущий. Они прислонили велосипеды к столику с лавками и помчались в туалет. Там он выпил, наверное, литра два

воды, пока в животе не заурчало, потом сунул голову под кран и с наслаждением держал ее там минуты две. Почистил зубы, побрился, чувствуя, как отступает вчерашний день, набрал воды во все емкости. Алексей, увидев его, выходящим из туалета, махнул рукой и устремился ему на смену. На столе уже стоял котелок, горелка и лежало несколько пакетов еды. Итак, чего едим сегодня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.